

Владимир Поселягин

Я — ИСТРЕБИТЕЛЬ

ВОЕННАЯ ФАНТАСТИКА

Военная фантастика (АСТ)

Владимир Поселягин

Я – истребитель

«АСТ»

2012

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

Поселягин В. Г.

Я – истребитель / В. Г. Поселягин — «АСТ», 2012 — (Военная фантастика (АСТ))

ISBN 978-5-17-111106-9

Школьник-выпускник провалился в болото и вынырнул 20 июня 1941 года. Сын летчика, сам летчик, он решил оставить заметный след в этой войне. Но главное для него для начала – выжить в первые дни войны. А скоро новейшие истребители Ла-5, которыми управляют летчики, прошедшие обучение по новейшим методикам пилотирования в Центре боевой подготовки летного состава ВВС, пойдут в бой.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

ISBN 978-5-17-111106-9

© Поселягин В. Г., 2012
© АСТ, 2012

Владимир Поселягин

Я – истребитель

© Владимир Поселягин, 2018

© ООО «Издательство АСТ», 2018

* * *

*Отдельная благодарность за помощь читателям форумов
ЛитОстровок и Самиздат.*

*Особенная благодарность моим родителям – Поселягину Геннадию
Леонидовичу и Поселягиной Алевтине Анатольевне – за помощь в
написании книги.*

Также большое спасибо Сергею Уксу за корректуру и вычитку.

Проснулся я от ласкового прикосновения, скинул одеяло, зевая, потянулся – рука, разбудившая меня, медленно поползла по животу вниз. Не глядя, сграбастал пискнувшее тело с приятными округлостями. Девушка, тяжело дыша, навалилась на меня и стремительно оседлала.

Через полчаса, восстановив дыхание, я направился в ванную. Залез в душевую кабину и стал намыливаться, пока ко мне не скользнула гибкая фигурка.

– Сева, не опоздай. Выпускной бывает раз в жизни, – сказала она еще через полчаса и, забрав у меня полотенце, стала вытираться. Глядя на свою классную руководительницу, я думал: «А она у меня действительно классная!» Что-то, а про Соню Викторовну можно сказать одним словом – шикарная. Честно говоря, когда ее, только что пришедшую в школу после пединститута, поставили руководить нашим классом вместо уходящей на пенсию Марии Семеновны, я понял, что попал. И, глядя на ее формы, гадал, есть у нее кто или нет. Как выяснилось – нет. Но чтобы ее соблазнить, у меня ушло почти полгода.

Хотя что это я, совсем забыл представиться. Немного расскажу о себе: батя назвал меня Александром. Хотел, чтобы я был Сан Санычем, однако семейный совет, состоящий из бабушек и дедушек, решил назвать меня Вячеславом. И с тех пор я Севка-Сашка Суворов. Родители до сих пор спорят на эту тему. Родился я в 1994 году, и ровно через три дня мне исполняется семнадцать. Месяц назад закончил школу (сегодня будет выпускной), но куда поступать дальше – пока еще не решил. Наверное, по совету брата отца, отслужу срочную. В нашей семье от армии не бегали, служили все. Причем армия началась для меня в двенадцать лет: отец удружил, взяв мое воспитание в свои руки. Но как бы то ни было, физическая нагрузка пошла на пользу, рос я довольно сильным.

Расскажу еще о своем отце. Он у меня подполковник авиации в отставке, бросил армию из-за усиливающегося раздолбайства и воровства. Сманил его к себе старый друг бати, одноклассник дядя Жора Раневский, входящий в сотню самых богатых людей России. Его связывала с отцом страсть к самолетам. И хотя батя вертолетчик, он тоже увлекся ретро-аппаратами. И не просто ретро, а времен Второй мировой войны. Поэтому у дяди Жоры есть личный музей авиации во Франции, в котором уже два десятка экспонатов – самолетов различных моделей и модификаций.

И чего только там нет! И И-16 (в двух экземплярах), и один ЛаГГ-3, два «Яковлева» – первый и третий, У-2 (По-2), который русфанер. «Аэрокобра» в одном экземпляре тоже присутствовала. Из немецкой техники – Мессершмитт-109 и Фокке-Вульф-190.

Насколько я знаю (батя говорил), сейчас идут переговоры о покупке частей МиГ-1 у черных археологов – основных поставщиков запчастей, хотя немало ЗИПов дядя закупал на

армейских складах, незнамо как узнавая, что и где есть. Отец организовал свой отряд поисковиков (в который вхожу и я) еще пять лет назад, но большую часть экспонатов все равно приходится покупать. Сейчас наш отряд на Брянщине, возле одного из многочисленных болот. Батя по телефону сообщил, что они обнаружили остатки самолета, на ощупь опознанного водолозом как ЛаГГ. После выпускного вечера я собираюсь ехать сразу к ним.

Так вот, насчет самолетов – все они летали. И так как почти все из них я помогал собирать и ремонтировать, то знал каждый до винтика. Когда мне было лет пять, мама подарила набор самолетиков, ну те, которые клеить надо. К десяти батя заметил мой интерес к авиации и стал потихонечку учить меня летать, в основном в качестве пассажира того же У-2. В то время все самолеты (аж три штуки) еще находились в России. В общем, первый раз в одиночку я поднялся в небо в тринадцать лет в воздухе Франции. А после...

Был еще один момент. При всей любви дяди Жоры к ретро-самолетам, высоты он панически боялся. Поэтому летал его сын Степка, мой корефан и одноклассник. Сколько мы с ним налетали, сколько воздушных боев провели!.. Самый любимый наш бой – это мы со Степкой на «ишачках» против бати с его «мессером». Сколько мы учебных боев провели – вспомнить страшно, но при всем опыте бати в последнее время стали его побеждать, то есть результат боя по очкам был в нашу пользу. Все это – закономерный итог наших посиделок вечером за мемуарами летчиков-ветеранов. Карты воздушных боев, тактику и стратегию мы зачитывали до дыр. Один налет на И-16 был больше пятидесяти часов, а общий – больше трехсот. И хотя «ишачки» постоянно требовали ремонта и запчастей, дядя Жора не скупился. Нет, конечно, мы не так часто летали на ретроистребителях, как хотелось бы, больше отрабатывали тактику на спортивных «Яках», но и на ретро налетали немало. Был случай, когда в воздухе у меня заглох мотор на Як-3, так я планировал с высоты и сел прямо на аэродроме, спокойно переговариваясь с отцом по рации и слушая вопли дяди Жоры, чтобы я прыгал. Он серьезно считал, что я угроблюсь. Но все прошло нормально, и самолет через месяц участвовал в параде ко Дню Победы. После полета нас по первому каналу показали, а у меня, когда я после представления из самолета вылезал, еще и интервью взяли. Сам не понимаю, как дядя Жора смог договориться с нашими чиновниками, думаю, нажал на все рычаги, которые мог нажать. Главное для него был пиар, и он его получил.

Большая часть, где использовались самолеты, – это, конечно, кино. К дяде Жоре постоянно обращались с просьбами в участии в съемках того или иного фильма. Где они получали отказ, а где и согласие. Может, видели фильм «Небо в огне»? Так я там участвовал в съемках, на «Яке». Или «Брестская крепость»? Где «ишачок» сбивают два «мессера»? Вот на «ишачке» я и был. Многие считают, что это компьютерная графика, но это было не так.

– Все, мне пора, – прервала воспоминания Соня, чмокнув меня в губы, и, вертя попкой, вышла из квартиры. Закрыв дверь, я подошел к окну и наблюдал за ней, пока она шла к остановке. Нравилась она мне, зараза. Ну и что, если разница в возрасте у нас шесть лет? Главное, мне с ней хорошо, и мы оба понимали, что наша связь временная. Просто любовники. Отец бы, конечно, не одобрил, но где он и где я?

Ладно, пора собираться. Одежда для выпускного, приготовленная Соней, висела на плечиках. Сняв с дверцы шкафа вешалку, я быстро оделся и направился в школу.

«Не забыть бы, что вечером у меня окно на авиасимуляторе. А то эти курсанты совсем времени не оставляют!» – подумал я, подходя к остановке.

* * *

Поезд, скрипя тормозами, скинул скорость. Через окно я посмотрел на приближающийся вокзал, потом, отпустив занавеску, стал быстро укладывать вещи. Когда поезд остановился, я сел у стола, ожидая встречающих. Наконец дверь купе отодвинулась, и я обнял стоящую

в коридоре маму. Потом поздоровался с двумя ребятами и показал им на баулы. Прихватив чемодан и рюкзак, мы с мамой направились следом, на ходу вываливая друг на друга последние новости. Подойдя к забрызганному грязью «уазику», я отдал чемодан Михаилу, поисковику с десятилетним стажем. Устроившись на заднем сиденье, мы проговорили всю дорогу до базы. За время разговора выяснилось, что двигатель ЛаГГа удалось поднять, и сейчас Тимофеич разбирал его на детали. Тимофеич – наш техник, именно он учил меня ремонтировать и собирать из металлолома самолеты.

Порадовало новое известие. Рядом с болотом, в озере, на глубине восемнадцать метров в слое ила удалось обнаружить полусгнивший Ил-2. Водолаз был у нас профи, увлекающимся, как и мы, ретро-самолетами, так что легко на ощупь определял тип найденной машины, а уж с аппаратурой... Сейчас дядя Жора договаривается насчет подводных работ. Машинка с телеуправлением, стоящая кучу бабок, которая и нашла Ил, сейчас работала в соседнем водоеме.

Поездка по бездорожью продлилась почти три часа, и когда мы наконец прибыли в маленькую деревеньку, я обрадовался. Закончив с распаковкой вещей, мы со вторым поисковиком, Артемом, переоделись и направились к лагерю.

– ...и выходит он, прикиньте, весь в муке. Я как его увидел, сразу за живот схватился. Я бы к ней побоялся подходить, а Севке все нипочем.

В отличие от остальных, рассказ про мои похождения у меня улыбки не вызвал. Не получилось с симпатичной вдовушкой помириться – получится с другой. Хорошо, что все хорошо кончается. Поиск закончился, и через два дня мы отправляемся на пару месяцев во Францию. Наконец-то снова летаю. Короче, здравствуй небо!

Отойдя от парней, сидящих у костра, я посмотрел на небосвод, подошел к своему рюкзаку с мокрым песком, весом двадцать килограммов, и надел его. Привычно попрыгав, побежал к деревне, находящейся от лагеря в семи километрах. Две недели, прошедшие с момента моего приезда, пролетели незаметно, хотя мы успели сделать многое. Подняли бронекорпус Ил-2, вместе с двигателем. Правда, тут нас ждало разочарование: мотор был разбит, и похоже, что он горел. Вот с ЛаГГом повезло, его мотор был почти цел.

Привычно перепрыгивая через корневища, я бежал по узенькой тропинке, стараясь не сбить дыхание. Добежав до болота, забрался на проложенную гать и по мосткам медленно потрусил к видневшемуся берегу со стоящими меж деревьев домами. Эти мостки проложены довольно давно, и местные используют их для походов в ближайшее село с магазином. Место расположения деревеньки таково, что длинный язык болота перерезал жителям деревни кратчайшую дорогу к цивилизации. Болотный язык был шириной всего метров триста, местами проложили гать, а где топь, просто проложили эти мостки на плотках. И сейчас, идя неспешным шагом по поскрипывающим доскам, я надеялся, что ни одна из них не треснет. Заметив на берегу маленьких детишек, махающих мне рукой, ускорил шаг. Детишкам я сегодня обещал вместе с ними запустить змея.

Вдруг часть мостика резко ушла в сторону, и я, с испуганным матерным криком, вверх ногами, спиной вошел в торфяную кашу. Проблема была в том, что я свалился в топь на выдохе и кислорода в легких было катастрофически мало. Едва не теряя сознание от ужаса своего положения, я стал быстро отстегивать ремни рюкзака, утягивающего меня вниз. Шевеля плечами, скинул лямки и, разбросав руки, старался дотянуться до мостков. Попытка открыть глаза ни к чему не привела, кроме того, что набившаяся в нижнее веко торфяная масса стала жечь правый глаз. Тут мне под руки что-то попало. Ухватившись за корявое нечто, похожее на корень, я из последних сил рванул вверх. Держась рукой за кочку, я приподнимал голову над болотной жижей, дергаясь всем телом – меня судорожно рвало. Я все-таки успел наглотаться грязи. Немного отдохнув, стал промывать глаза водой, набранной на поверхности болота. Тут я понял, что не слышу криков и воплей детворы. Странно, они же видели, что я навернулся с мостков! Почему же никто не идет на помощь?

Промыв один глаз, я осмотрелся, смахивая набегающие слезы. Сквозь оставшуюся муть я никаких мостков не обнаружил, так же как и деревни. Вокруг, насколько хватало взгляда, простиралось болото. От неожиданности я чуть не отпустил кочку. Быстро ухватив ее руками, завыл:

– Эй, есть тут кто-нибудь?

Ответа на все мои крики я так и не дождался.

Вдали послышался знакомый рокот авиационных двигателей. Быстро закончив промывать второй глаз, я всмотрелся в небо. Надо мной прошла тройка «ишачков», заставившая меня уронить челюсть от удивления. Какого хрена?! Сказать, что я был шокирован, значит, ничего не сказать. Проводив истребители взглядом, я стал думать, что произошло. Версия о попадании пришла в голову четвертой. Первые три были на грани фантастики. Неделью назад один из поисковиков рассказал в лицах книгу одного автора о похождениях парня в сорок первом, Лисов, кажется, его фамилия. Так, может, я тоже так же перенесся? Черт, пока не выберусь из болота, ничего не смогу выяснить.

Хорошо промытые глаза позволили мне осмотреться. И сразу же я обнаружил, что за спиной, метрах в двухстах, находится лес. Вобразившись на кочку, которая стала медленно тонуть, я оттолкнулся ногами и на животе скользнул к следующей, находящейся в трех метрах от меня. Потревоженная моими прыжками болотная гадюка метнулась в сторону под моим испуганным взглядом. Никогда не любил змей – склизкие, холодные, брр.

Путь по болоту занял у меня почти шесть часов – часто приходилось возвращаться назад, если дальше была открытая топь. Когда я выполз на берег, то вполне серьезно несколько раз поцеловал мох, растущий на земле, и, повернувшись к болоту лицом, высказал все, что о нем думаю. И добавил:

– Больше никогда я по доброй воле в болото не залезу.

После чего, упав спиной на землю, счастливо рассмеялся. Я выбрался и живой, что может быть лучше? Отдохнув с часок, под бурчание голодного желудка встал и осмотрелся. Где я находился, не знаю, но выяснить следовало осторожно, пока не определю свое местоположение.

Осмотр ничего не дал, кроме того, что лес был довольно густой и возвышался над болотом метра на три. После того как я закончил крутить головой, настало время посмотреть, чем я располагаю. Одет я в армейский комбез, который после купаний в болоте стал расцветкой ни чем не отличаться от самого болота. На ногах – новенькие китайские кроссовки, купленные на один сезон и надетые, чтобы пофорсить перед деревенскими. Однако хваленая китайская обувь российских болот не пережила, и сейчас, глядя на почти полностью оборванную подошву, я грустно размышлял, как ее починить. Пошарив по карманам, обнаружил смартфон с сочащейся из него водой и носовой платок. Больше ничего в комбезе, используемом мной для пробежек, не было.

– Нет, просто класс – всякие хмыри попадают в другие миры чуть ли не с танками, а у меня использованный носовой платок и неработающий телефон! Зашибись, б. я! – крик души, выданный мной вслух, немного успокоил.

Подумав, я снял комбез и содрал все ярлыки, что были. И вместе со смартфоном зашвырнул их в болото. Выжав насквозь мокрую одежду, я натянул ее на себя и, выбрав направление движения, тихонько поплелся, загребая листву оторванной подошвой. Постоянно попадавшие неглубокие овраги со стоящей в них водой изрядно замедляли путь. Поглядев на солнце, примерно определил время на данный момент – где-то около двух-трех часов дня.

Еще через час моих блужданий по этому лесу небольшая тропинка привела к поляне со скошенной травой, что обрадовало меня до щенячьего восторга. Обувка пришла в окончательную негодность, и я шел практически босиком. Осторожно выйдя на поляну, я подошел к стогу свежескошенного сена, после чего, сняв уже подсохшую одежду, разлегся в нем, прикрыв глаза. Усталость мигом навалила на меня дремоту, и я провалился в глубокий сон.

Разбудили меня грубо: схватив словно клещами за ногу, скинули с сена на землю и придавили чем-то острым живот. Открыв глаза, я разглядел в свете заходящего солнца стоящего надо мной хмурого мужика с длинной седой бородой, рядом стоял второй, помоложе, с вилами в руках. От вида, что мне упирается в живот, мне сразу поплохело. Это была винтовка, в которой я не сразу опознал изделие Бердана.

– Вы что, охренели?! Убери железку! – от звука моего голоса вооруженный мужик явно обрадовался.

– А, москаль проклятый, вот я тебя сейчас... – И стал поднимать винтовку, собираясь ударить меня.

– Сам ты москаль, урод!

Москалями поляки называли всех русских, и то, что я действительно москвич, было простым совпадением.

Мужик опустил оружие и задумался. Глядя на его складку на лбу, сообразил, что думать ему, похоже, непривычно. Видимо, придя к какому-то решению, он, отступив, повелительно дернул стволом и велел мне встать. Подождав, пока я оденусь, меня все так же под прицелом сопроводили к стоящей рядом телеге. Запряженный в нее конь меланхолично жевал траву и лишь дернул ухом, когда я прошел мимо.

– Стой, москаль! – рыкнул конвоир, после чего что-то сказал второму мужику. То, что это польский, я понял по шипящим звукам. Взяв веревку, лежащую в телеге, один связал мне руки спереди, пока второй караулил. Получив тычок прикладом, отчего я сделал два быстрых шага вперед, мы с бородачом направились по тропинке. Обернувшись, я успел до того, как меня грубо окрикнули, увидеть, что оставшийся мужик нагружает телегу сеном.

Путь занял почти час, пока мы не вышли на более укатанную дорогу. Заметив в просвете леса какие-то строения, я невольно ускорил шаг – вдруг покормят не только свинцом, но и нормальным обедом.

– Но-но, потише, москаль! – окрикнул сзади поляк. Открывшаяся картина невольно заставила меня остановиться. Не успев полюбоваться на прекрасный хутор, я получил мощный удар прикладом между лопатками, заставивший меня пробежаться немного вперед и продолжить движение. Шевеля лопатками и стараясь унять боль после удара, я прошел мимо плетеного забора и посмотрел, как на грядках работают три женщины разного возраста. Заметив меня, они засыпали вопросами на польском языке моего конвоира, после чего я шел под их любопытными взглядами. Теперь я точно утвердился во мнении, что нахожусь в Польше, судя по истребителям, скорее всего довоенной. Зная, как поляки «любят» русских, я заранее готовился к худшему.

Подойдя к явно жилому дому – их на хуторе было три, – конвоир усадил меня на пенек для колки дров и застучал в окно, что-то крича. Сидя на пеньке, я осматривался: дома стоят треугольником, несколько хозяйственных и скотных сараев, все добротно и аккуратно, сразу видно, что здесь хозяин следит за порядком. Скрип открывавшейся двери привлек мое внимание. На крыльце стоял командир Красной Армии. Я точно в сорок первом – у него были петлицы и лейтенантские кубари. Спокойно выйдя во двор, он что-то спросил у моего конвоира на польском. В это время из дома вышел, судя по рясе, священнослужитель и, подойдя к разговаривающим, тоже что-то спросил, мельком глянув на меня. Судя по тому, как оба болтуна вытянулись, он был старше их. Минуты три я слушал их непонятный мне разговор и замечал бросаемые на меня взгляды. Видимо, о чем-то договорившись, они подошли ко мне:

– Что ты здесь вынюхивал, русский? – спросил священник.

– Ничего. Меня не там выбросили. Должны были в районе Бреста, а я оказался незнамо где!

– Выбросили? Парашютист?

– Да! Радист! Сбросили прямо в болото. Все утонуло. Рация, запасы, оружие, даже сапоги пришлось скинуть, когда меня на дно тянуло.

– Ты не русский?

– Да русский я. Во Франции жил с родителями, отец офицер штаба, служил под командованием Деникина. Когда меня пригласили работать на одну страну, я согласился.

Сказал я с намеком, что работаю на немецкие спецслужбы. Похоже, священник это понял, поэтому спросил на немецком, но выяснив, что я его не понимаю, уже на английском:

– Кто вас встречает?

На это я отвечать не собирался, что и сказал на плохом английском:

– Не имею права говорить!

Священник поднял брови и сказал:

– Ваш английский оставляет желать лучшего!

– Никогда им не интересовался! Я во Франции жил.

Немедленно последовал вопрос уже на французском языке, причем плохом, я с трудом его понимал:

– Как же ты оказался почти в ста километрах от Бреста, если тебя выбросили именно там?

– Где меня сбросили, там я и оказался, в этих болотах полно всяких гадов, а я ненавижу змей.

– Вы действительно хорошо говорите на французском языке, значит, штурман ошибся. Вас сбрасывали ночью?

– Да, в три часа!

– Что-то мы не слышали ночью гудения моторов!

– Не знаю, меня сбросили с пяти тысяч метров, и я долго планировал, был сильный ветер.

– Вполне может быть! Нам надо проверить, какое у вас кодовое имя?

Неся всякую чушь, я в то же время напряженно обдумывал свое положение, выискивая возможность свалить от них. Подумав, назвал священнику первое пришедшее мне в голову слово.

– Как-как? Квазимодо?

– Да!.. Извините, конечно, а не пора ли меня покормить? А то уже со вчерашнего дня ничего не ел, как покормили на аэродроме, так и хожу голодный!

– Да-да, конечно. Янек... – И что-то сказал парню, одетому в нашу форму. После чего тот на чистейшем русском пригласил меня в дом. Священник за нами не последовал, а остался во дворе с тем мужиком, что меня привел.

– Давай проходи и садись, – сказал поляк и показал рукой на стол с едой, около которого хлопотала молодая полька. Я уже представлял себе, как небрежно присаживаюсь за заставленный всякими вкусностями стол и аккуратно кушаю. Но тело внесло свои коррективы, очнувшись, я, когда вылизывал тарелку от супа. Рыгнув, поставил ее на место и, схватив кровяную колбасу, прикусывая хлебом, взглядом шарил по столу в поисках еще каких-нибудь вкусняшек. Рядом стояли хозяева и с ошарашенным видом наблюдали за мной. Священнику я сказал правду – действительно не ел со вчерашнего дня. Жуя, спросил у поляка, почему он в форме Советов, на что последовал незамедлительный ответ: «Привыкаю», – больше мне от него ничего добиться не удалось. После плотного обеда меня отвели в комнату, где стояла кровать. Раздевшись, я взобрался на нее и напоследок заметил, что мой комбез поляк отдал хозяйке.

Проснулся я от сильного давления мочевого пузыря. Встав, осторожно вышел в главную комнату – рядом с дверью сидел на стуле Янек и тихонечко посапывал. Судя по расстегнутой кобуре, он караулил меня. Все так же осторожно двигаясь, я подошел к двери и, выйдя во двор, намочил угол дома. Подышав свежим воздухом, я было двинулся обратно, как заметил огонек в одном из домов. Подобравшись, стал вслушиваться в разговор, происходящий в хате. Понимал

я с пятого на десятое, но то, что они поняли, что я врал, разобрался. Поэтому, тихо добежав до дома, где спал, и, пробравшись в спальню, быстро оделся и выскользнул в комнату с Янеком.

Медленно я стал тянуть рукоятку нагана из жесткой кобуры, который, похоже, там застрял, когда услышал шум приближающихся шагов. Бросив заниматься оружием, я скользнул к открытому окну и, заметив, что трое людей, плохо различимых в ночи, зашли за угол дома, выбрался наружу. Я был так же бос, как и раньше, различие состояло только в отстиранном комке.

Лай собак, долетевший со стороны хутора, заставил прибавить ходу. Охая и ахая, я на исколотых ногах бежал все быстрее и быстрее, и наконец, оставив тропинку, ломанулся через бурелом. Перебираясь через поваленные деревья, я затылком ощущал направленные в меня дула винтовок. Скотившись на пятой точке в глубокий овраг, я с размаху влетел в воду, затянутую ряской, загребая руками, быстро переправился на другую сторону и, постоянно оскальзываясь на влажной траве, с трудом поднялся наверх. Скользя по склону, я с трудом взобрался наверх оврага. Лай собак становился все громче и громче, подстегивая меня.

Трупный запах я почувствовал сразу и, по мере того как продвигался глубже в лес, он становился все сильнее и сильнее. Вдруг, когда запах стал резать глаза, я под треск сломанных веток ухнул куда-то вниз. От тошно-творной вони меня вырвало. Вытерев рот рукавом, я посмотрел, на что упал. Увиденное заставило броситься к краю ямы.

Вдруг рядом кто-то заговорил...

Крепко сжав зубы, я сидел и смотрел на лежащего рядом мертвого милиционера в доведенной форме. Судя по треугольникам, он был сержантом. Многочисленные ранения и обезображенное разложением лицо просто сводили с ума. Закрыв глаза, я дышал через раз, слушая продолжавших разговаривать преследователей. Сглатывая тягучую слюну, понял – еще немного, и потеряю сознание. Попытавшись встать, я вдруг начал падать прямо на труп, после чего наступила темнота.

Очнулся я от резкого трупного запаха, бывшего прямо в нос, и, открыв глаза, засипел от ужаса. Прямо у меня перед глазами был тронутый разложением выпученный глаз сержанта. Второй, похоже, был выжжен, так как в глазнице были видны остатки пепла. Судорожно вдохнув, отчего закашлялся от резкого запаха, перебирая руками, скатился с тела мертвеца в сторону и, ухватив комок земли, стал судорожно оттирать руки. По моему лицу стекали слезы. Утершись рукавом, я откинул в сторону остатки земли, встал, ухватился за корень, подпрыгнув и подтянувшись, лег животом на край ямы, после чего закинул правую ногу, вылез и откатился в сторону, пытаясь отдышаться и бездумно глядя на небо, просвечивающее сквозь листву.

«Сволочи, какие же они сволочи!» – думал я о тех, кто это сделал с сержантом.

Вонь продолжала преследовать меня, даже когда я удалился от ямы, – вся одежда пропиталась запахом тлена. Сорвав с себя комбинезон, я осторожно двинулся в ту сторону, где искупался в воде, когда бежал от преследователей. Найдя овражек, я спустился в него и, положив одежду на берег, нырнул в воду. Глубина была около метра. Подняв со дна тину, ухватил с берега комок глины и стал натираться ею.

Кожа начала гореть от усиленного мытья, но я продолжал тереть, не теряя надежду избавиться от вони.

Наконец, добившись, как мне казалось, какого-то результата, я принялся за одежду. Увы, несмотря на все мои старания, запах остался. Со злостью отшвырнув комбинезон в сторону, я выбрался на берег, присев, обхватил руками колени и уткнулся в них лицом.

Из странного оцепенения меня вывел едва слышный звук: похоже, неподалеку кто-то разговаривал.

Зло усмехнувшись, я вылез из оврага и опять прислушался.

Определившись точнее, я тихой тенью скользнул в ту сторону. Мне уже было все равно, что будет дальше, главное – скинуть на кого-нибудь тот заряд жгучей ненависти, копившейся во мне с той минуты, как я свалился в яму с изуверски убитым милиционером.

Прижавшись к стволу дерева на уровне земли, я осторожно выглянул одним глазом и присматрелся к двум вооруженным мужикам, разговаривающим о чем-то на польском. Одним из них был хорошо мне знакомый бородатый мужик, тот, который называл меня москалем, когда нашел в стоге сена.

Стояли они очень удобно для нападения. Дерево за которым я прятался, росло на краю неглубокой ложбины, на дне которой и трепались будущие покойники. Оглядевшись, я увидел метрах в семи очень привлекательное бревнышко со следами топора, а заметив остатки веревки на концах, понял, как принесли сюда сержанта.

Головы поляков были как раз вровень с краем ложбины, но кусты малины прикрывали меня от их взглядов. Осторожно перебирая руками, стараясь не хрустеть сухими ветками, валявшимися на земле, а просто убирая их в сторону, я дополз до бревнышка и также осторожно подтащил его к себе, замирая от любого шороха.

Вернувшись обратно, я заметил что оба поляка настороженно прислушиваются, значит, мой поход за оружием был не так тих, как хотелось бы. Поэтому я сделал то, что должен был. С диким криком, которому позавидовал бы Тарзан, вскочил, оттолкнулся от края оврага и в прыжке с замахом опустил лесину на голову ближайшего поляка.

Кричал я не только для того, чтобы завести себя, но и чтобы ошеломить противников, что у меня прекрасно получилось. Жертва даже не сдвинулась с места, только успела с испугом втянуть голову в плечи.

С хрустом череп раскололся на несколько частей брызнув своим содержимым. К сожалению, лесина тоже не выдержала. Не обращая внимание на падающее тело первого, я, перехватив поудобнее укоротившееся бревнышко, принялся наносить удары по второму, пытавшемуся содрать с плеча ремень винтовки. Второй мужик, похоже, понял, что это бесполезно, и стал закрываться руками, пытаясь защититься. С хрустом повисла одна рука, другим ударом я выбил ему челюсть...

Со стоном упав, поляк уже не пытался защищаться, но это не остановило меня, я продолжал бить, выплескивая все эмоции в каждый удар, и не прекратил, пока на месте второго не осталось кровавое месиво. Отшвырнув в сторону мокрую от крови лесину, я сел на тело первого и вытер забрызганный кровью лоб. В голове мыслей не было, похоже, я сжег все эмоции в этой просто безумной атаке.

Через несколько секунд я пришел в себя и, оглядевшись, даже не попытался отплеваться, просто было уже не чем.

«Ну чего расселся? Надо действовать, вдруг тут еще есть враги!» – Эта мысль заставила отвесить самому себе несколько хлестких пощечин.

Пошатываясь, я встал и поморщился: мышцы закололо раскаленными иглами.

Осмотрев себя, я понял, что придется снова мыться. Однако оставлять захваченное оружие и хабар я даже не подумал, поэтому, вытерев руки о штанины второго мужика, я стал раздевать первого, решив забрать его одежду, как и винтовку.

Что добыча требует чистки и мытья, даже не обсуждалось. Мало того что ворот был весь в крови, так еще и мышцы кишечника расслабились, но для меня эта одежда все рано была во сто крат лучше комбинезона, брошенного у бочажка, пропахшего трупным запахом.

Раздев мужика и прихватив его вещмешок, я сунул в него ножны с ножом, снятые с пояса второго мужика, и, повесив на одно плечо обе винтовки, направился обратно – отмываться.

Развесив одежду сушиться, я стал осматривать все то, что мне досталось. В рюкзаке нашлись еда и боеприпасы к старой берданке первого мужика. Пересчитав патроны – их оказалось ровно двадцать один, плюс еще один в самой винтовке, – отложил их в сторону. Вторая

винтовка оказалась старой мосинкой 1897 года, о чем указывало клеймо на ней. Пересчитав патроны, как в самой винтовке, так и в патронташе, я насчитал сорок семь. В вещмешке было полкаравая хлеба, шмат сала, чеснок и лук, в небольшом кульке соль и еще почему-то чистые портянки. Есть не хотелось, так что я убрал продукты обратно и, найдя в стороне сухое место, принялся возиться с оружием. Эти винтовки я знал, не раз откапывали их при поисках, так что, быстро разобрав, по очереди осмотрел их.

«М-да, у мосинки крайняя степень изношенности, но стрелять еще можно. Хм, у нее уже практически нет нарезов, стерлись, да и засвинцовались тоже, так что теперь она фактически гладкоствольная!» – думал я собирая винтовки.

Снарядив их, вернулся к одежде и, надев ее еще полусырую, намотал портянки и натянул сапоги того, чьи мне больше подошли по размеру. Закинув на плечи вещмешок и берданку, взяв мосинку на изготовку, я направился обратно к тому хутору, от которого меня гнали. То, что убийство сержанта – их работа, я был уже уверен.

Уходить просто так и оставить этих тварей безнаказанными не хотелось, следовало хотя бы подстрелить кого-нибудь из старших на хуторе, месть должна быть адекватной. Может, кто-нибудь считает меня сумасшедшим – возвращаться туда, откуда чудом сумел сбежать, но за этот день я как-то перегорел в эмоциях и не задумывался, убьют меня или нет. Месть превыше всего. Не только за сержанта, но и за себя.

Осторожно шагая рядом с тропинкой, я сначала услышал лай собак, а спустя пару минут оказался на опушке, с которой открывался вид на хутор.

Сто метров, одеяющие лес от ограды, пришлось проползти по-пластунски, то и дело утыкаясь лицом в траву. Время, ушедшее на это, показалось мне вечностью, но наконец я уперся в длинные кривые жердины ограды. Быстро оглядевшись по сторонам, рывком перемахнул через околицу и проскользнул в открытые ворота конюшни. Пройдя мимо пустых стойл, я по лестнице взобрался, подобрался к большим створкам, через которые на сеновал закидывали сено, чуть приоткрыл одну из них и осмотрел территорию хутора.

Перед тем как предпринимать хоть какие-нибудь действия, я припомнил рассказы поисковиков – двое из них служили в ВДВ и принимали участие в боевых действиях. Так вот они говорили: «Прежде чем залезть куда-нибудь, продумай не менее трех видов отхода, а не то зажмут и...» Именно этим золотым правилом я и воспользовался – прикинул пути отхода.

Паренек, появившийся из леса как раз с той стороны, с которой пришел я, заставил меня насторожиться.

Заметив, как из домов на крики пацанчика стали появляться люди, приготовил берданку – все-таки она была в лучшем состоянии, чем мосинка.

Вот из дома вышел священник и подошел к пацану, несколько секунд послушав его вопли, отвесил хлесткую затрещину, после чего что-то спокойно сказал.

«Похоже, нашли тех, которых я завалил...» – понял я мимику пацана.

«Пора!» – я прицелился в священника.

Приклад больно ударил в плечо. Я стрелял из мосинки и знал, как она лягается, а вот изделие Бердана держал в руках только в виде откопанного антиквариата, который если не разваливался, то был близок к этому. При поисках они нам, бывало, попадались, так что как выглядит винтовка, знал да и об устройстве тоже читал с интересом в инете.

Я прекрасно знал, что в патронах использовался дымный порох, так каково же было мое удивление, когда из ствола вылетел легкий дымок.

«Переснарядили!» – понял я, наблюдая, как ксендз, получив десятимиллиметровую пулю в грудь, отлетает назад вверх тормашками.

– В кость попал, что ли? – вслух пробормотал я.

Отложив винтовку в сторону, быстро подхватил мосинку и, прицелившись, нажал на спуск.

От первого выстрела население на миг опешило, но как только тело ксендза перестало крутиться на земле от попадания пули и замерло, сразу же все бросились врассыпную. Поэтому второй выстрел попал в спину бородатого мужика, показавшегося мне самым опасным. Пуля толкнула его на бревенчатую стену дома, по которой он сполз, оставляя темную полосу.

Третьим я снял еще одного – хорошо выбритого парня, закрытого от меня телом одной из женщин, но меня это не остановило, так что упали они оба. Добив парня выстрелом из мосинки, не трогая раненую женщину, я стал искать следующие цели, но их не было, все успели скрыться. Я немедленно воспользовался этим для перезарядки, слушая, как ревет белугой подстреленная.

«Валить надо, как бы ответки не прилетело!» – подумал я и тут же услышал шорох где-то рядом. Быстро откатившись в сторону, я увидел, как в щель меж досок, где только что находилось мое тело, резко вылезли острия трезубых вил.

«Кто-то внизу», – сообразил я. Вскочив на ноги, отбежал в сторону и прислушался. Внизу было тихо, тот, кто использовал вилы, явно просек, что я ищу его по звуку, и замер. Попытка разглядеть что-нибудь сквозь щели тоже ничего не дала.

«Блин, время!» – подумал я и стал, тихо скрипя досками, приближаться к люку вниз.

Похоже, неизвестный противник понял мои намеренья, и через одну из щелей в сторону выхода мелькнуло что-то светлое.

– Ба-бах, – дернулась от выстрела мосинка. Тихий вскрик показал, что я попал. Подскочив к люку и осторожно обойдя его, я посмотрел на то место, где должен был находиться неизвестный. На земляном полу лежала та самая молодая полька, что кормила меня обедом, рядом с ней валялись вилы.

– Прости, – сказал я одними губами и выстрелил ей в грудь.

Затем, сбегав за берданкой, быстро спустился вниз и, обойдя тело польки, стараясь не смотреть в ее застывшие глаза, подошел к боковой двери, выходящей на огороды. Осмотревшись, выскользнул наружу и, упав на землю, осторожно пополз к следующему сараю, от которого было довольно близко до леса. Мстить нужно с холодной головой, и я прекрасно понимал, что пока они растеряны, шансы уйти у меня есть.

Приподнявшись, я присмотрелся, что творится на хуторе, а заметив шевеление, отложил берданку и приготовил мосинку. Из-за свинарника показалась голова Янека и опасно повернулась в сторону сарая, где я до этого прятался.

Обернувшись, он что-то сказал тем, кто еще был за свинарником. После чего, не боясь испачкать форму, упал на землю и, держа в руках наган, пополз в сторону деревянного туалета, от которого можно было сделать рывок в сарай. Держа его стволом винтовки, я продолжил отслеживать угол свинарника, ожидая остальных. Вот показалась чья-то косматая голова и повторила все действия Янека. Потом появился еще один. Поняв, что их всего трое, я прицелился в последнего ползущего и нажал на спусковой крючок. Быстро передернув затвор, свалил второго, косматого, вскочившего на ноги. Янек же успел укрыться за туалетом и теперь что-то кричал в сторону домов.

Сожалея, что я его не понимаю, стал наугад расстреливать туалет на уровне ног. И почти сразу вскрик показал, что я не зря потратил три патрона. Перебежав на другое место, прицелился в Янека, лежащего на земле и зажимающего живот. Последним патроном в винтовке я снова выстрелил в него, на этот раз в грудь.

«Все, валить надо!» – подумал я и, придерживая берданку, рванул к лесу. Однако поляки быстро остановили мой порыв. Услышав свист пролетевшей рядом пули, я упал между кустами картофеля и отполз по-пластунски обратно, сожалея, что картофель не так сильно вырос чтобы можно было незаметно свалить. Вернувшись к забору, я нашел неплохое место для наблюдения и стал перезаряжаться, визуально и на слух стараясь определить, откуда в меня стреляли.

– Блин, да где ты?! – тихо пробормотал я, имея слабое представление, сколько осталось боеспособных мужчин на хуторе.

«Так, когда прибежал пацан, вышли почти все. Янека я не видел. Мужчин было семеро. Убил ксендза, минус один. Потом мужика и того парня с бабой, минус еще два. Еще трое вместе с Янеком, значит, осталось двое. Вот блин, когда же вы кончитесь?!» – подумал я сердито, завершив подсчеты.

Как я ни всматривался, но никаких телодвижений не было – видимо, шесть трупов научили хуторян не показываться мне на глаза.

«Патовая ситуация. Ни я их, ни они меня не видят. Что же делать?» – Мой взгляд скользнул по стогам сена, потом перескочил на деревянные сараи и дома.

Похлопав себя по карманам, я понял, что за спичками придется ползти к Янеку, так как помнил, что он курил. Подобравшись к сараюшке, которая скрывала меня от прятавшихся в домах, я напружинился и рывком перебежал за туалет. Ударившая с запозданием пуля взрылила землю, не задев меня.

«Уф, еще немного – и все!» – мелькнула мысль.

Схватив Янека за начищенные сапоги, я затащил его за будку, прихватив заодно и наган. Судя по всему, стрелок решил повторить мою идею, и туалет затрясся от попаданий пуль. Однако я уже шустро лазил по карманам несостоявшегося то ли шпиона, то ли диверсанта. Спичек не было, зато обнаружилась блестящая серебряная, явно дорогая зажигалка.

«Спасибо, паря!» – сказал я и после недолгих колебаний стал снимать с трупа ремень с кобурой. Запасные патроны уже были у меня в кармане. Перевернув дернувшееся от попадания пули тело Янека на живот, я освободил ремень и, перекинув его через плечо, застегнул на груди, решив опоясаться как положено попозже.

«Теперь осталось только выбраться отсюда», – подумал я.

Идея поджечь туалет и, пользуясь дымом, скрыться первой пришла мне в голову.

В это время по будке палили уже из двух стволов, от чего она покрылась россыпью отверстий, ошетилившихся щепками. Разломав пару прогнивших в труху досок внизу туалета, я поднес к ним зажигалку. И только когда она довольно сильно накалилась, сперва медленный огонек, а потом уже и хорошо начавшийся заниматься огнем сортир стал выбрасывать в небо легкие прозрачнее клубы дыма.

«Эх, жаль покрышек нет», – подумал я и, заметив, что стрельба стихла, видимо, из-за перезарядки, одним рывком перебрался за другое укрытие, пользуясь им, добежал до ближайших стогов; затем, надергав пуки соломы, поджег стога, а пуки использовал для поджигания сараев – до домов мне было пока не добраться.

Закончив временно с диверсией, я принялся, двигаясь по дуге, осматривать окна, надеясь, что там промелькнет хоть что-то.

Повезло мне на третьем доме. Из открытого окна торчал ствол винтовки – неведомый стрелок пытался меня выцелить. Прицелившись немного выше ствола, я плавно потянул спусковой крючок. Винтовка в окне дернулась, задралась стволом вверх и медленно сползла внутрь дома.

«Готов один!» – подумал я. И стал перебираться поближе к домам. Их соломенные крыши особенно влекли меня, а то, что там не только мужчины, но и женщины, не останавливало.

«Не хрен плодить подобных нелюдей», – именно так думал я, перед глазами стояло изуродованное лицо сержанта.

Как я ни крутился, а возможности подобраться к домам так и не нашел. Был один промежуток, но он также просматривался и простреливался из крайнего дома. А между тем время уходило, нужно было смыться отсюда быстрее собственного визга, и я прекрасно понимал это.

Мое внимание привлекла палка, я видел такую в одном фильме. Там детишки с помощью ее толкали перед собой колесо. И правда, обруч обнаружился рядом. Намотав на деревяшку одну из портянок, я поджег ее и, дождавшись, пока она разгорится, ухватил получившийся факел за конец и стал размахивать им давая усиление броску.

Взрыв в верх, факел, оставляя дымный след, перелетел через сарай, за которым я прятался, и упал на крышу ближайшего дома.

Приготовив винтовку, я опять осторожно двигался по дуге, отслеживая все три дома. Вот вспыхнувшая соломенная крыша на одном из домов вызвала крики во всех трех. Причем сначала голоса были только мужские, а чуть попозже к ним присоединились и женские.

Видимо, женщины и дети прятались в подполе, и мужчины кричали им, чтобы они выбегали из домов. Именно так я предположил, увидев, как из дверей выскакивают женщины и дети и разбегаются в разные стороны. Заметив среди них мужскую рубаху, я вскинул винтовку и выстрелил. Парень примерно моих лет, обливаясь кровью, упал на землю. Две женщины, что бежали в мою сторону, от испуга прыснули кто куда.

«Ну все, пора, а то действительно прихватят за яйца!» – подумал я, удирая.

Бежал я зигзагами и до леса добрался вполне благополучно – никто по мне не стрелял. Похоже, я повыбивал стрелков.

Не останавливаясь, я пробежал километра три – насколько хватило дыхалки после такого морального перенапряжения. В конце концов свалившись под каким-то деревом, запаленно дыша, перевернулся на спину, отчего берданка пребольно врезалась в нее, и стал рассматривать безоблачное небо.

Пролежал я так где-то часа два. О преследовании даже не думал. Все как-то отошло на второй план, в голове снова и снова прокручивалось произошедшее на хуторе. И чем больше я вспоминал, тем больше понимал, что это не я там был, а игрок GAD29 – именно под таким ником меня знали в сетевых играх. Весь бой на хуторе прошел как бы под призмой игрока, и я краем сознания думал, что если меня убьют, то перезагрузюсь и продолжу игру, сейчас же пришло понимание того, что я только что сделал, почему мне и поплохело.

Немного придя в себя, я встал на ноги и, поправив кобуру с наганом, съехавшую куда-то за спину, посмотрел в просвет деревьев – где-то там находился хутор – и сказал вполголоса:

– Я ни о чем не жалею!

После чего, поправив лямки вещмешка, трусцой побежал в сторону заходящего солнца. Куда – я сам не знал, главное, подальше.

Где бегом, где просто быстрым шагом я двигался по лесу, стараясь незаметно форсировать небольшие ручьи и речки, попадавшиеся поляны обходил стороною.

Поле встретилось, когда уже начало темнеть. То, что я не ел со вчерашнего вечера, никак не давало о себе знать – сказывалось нервное перенапряжение.

Понимая, что в таком состоянии могу окончательно потерять осторожность и спалиться, что было бы не очень хорошо, я решил найти любую подходящую норку и привести себя в порядок.

Посмотрев на далекие огоньки довольно большого поселения, начавшие появляться в сгущающейся темноте, я повернулся и направился обратно в глубину леса.

Отойдя от опушки километра на полтора, я случайно наткнулся на достаточно глубокий овраг, по дну которого протекал небольшой ручей.

«Надеюсь, это не отвод какой-нибудь канализации!» – подумал я, пробуя воду на вкус. Вода была как вода, поэтому, найдя неподалеку вполне подходящее место для ночлега, я стал готовиться ко сну.

Поговорка «утро вечера мудренее» сработала и здесь. Проснулся я к обеду, когда солнце почти стояло в зените, полным сил и жутко голодным. Достав из вещмешка харчи, я стал готовить большой бутерброд, жалея, что нет чая. В трофейном мешке термоса или фляги не было.

Вчерашние воспоминания как-то поистерлись, по крайней мере – острые грани. Так что я не стал снова прогонять перед глазами вчерашние события, а особенно сержанта, и занялся собой. После завтрака попил из ручья и, вернувшись к нарубленному лапнику, который был моей постелью и одеялом, достал из вещмешка ветошь – пора было заняться чисткой оружия. Оружейной смазки не было, пришлось работать на сухую, что мне очень не нравилось.

Первым я занялся наганом. Достав поблескивающий черным воронением револьвер, ласково провел пальцами по стволу и стал разряжать его. В принципе, из нагана не стреляли, но я все равно его почистил, после чего убрал в кобуру, ремень с которой застегнул на пояс.

После чистки оружия посмотрел на небо, стараясь определить время, и понял, что уже вечер – время пролетело незаметно.

«Опять на лапнике ночевать!» – со вздохом подумал я.

Устроившись поудобнее на постели и заложив руки за затылок, я смотрел на пока еще светлое небо и размышлял о своем попадалове.

«Странное все это. Ладно попал, да я даже не знаю куда! Выяснил только, что неподалеку от Брестской крепости, но какой сейчас год? Какое время? Ну побегу я сейчас с криком: “Я из будущего, я все знаю, ведите меня к Сталину!” – И что? Поведут? Сильно сомневаюсь. Так что делать? Блин, да ЧТО ДЕЛАТЬ?!»

Решив последовать своей любимой теперь поговорке «утро вечера мудренее», я закрыл глаза и спокойно заснул. Быстро, даже как-то не ожидал от себя.

Разбудил меня назойливый писк, который перерос в гул авиационный. Открыв глаза, я протер их и посмотрел на еще ночное небо. По мере того как гул приближался, мое недоумение рассеивалось. Я теперь точно знал, какое сегодня число. Вскочив на ноги, я побежал на опушку – через кроны деревьев было плохо видно.

Сбивая росу с травы и громко топая слегка великоватыми для меня сапогами, я выбежал на пшеничное поле, запрокинул голову и жадно уставился на небо, где шли три дюжины немецких бомбардировщиков.

«Лаптежники!» – сразу же определил я тип самолетов.

Чуть сбоку и выше скользили тоненькие черточки «мессеров», охранявших бомбовозы.

«Да что я мог сделать?! Не успел бы!» – мысленно простонал я, вспоминая, что вчера поленился идти дальше.

– Оп-па, а это еще что?

Навстречу немцам шли советские истребители, в которых не без труда удалось опознать «ишачки» – слишком высоко они шли для невооруженного взгляда.

Командир полка, что вел три эскадрильи истребителей на врага, вторгшегося на землю их страны, повел ястребки в лоб.

– Куда, мудака?! Одну эскадрилью на набор высоты – пусть они вас от «мессеров» прикрывают, а на бомберы с флангов... – рычал я от бессилия.

Начавшийся воздушный бой шел практически у меня над головой. Я не думал, что могу угодить под случайную очередь, я целиком погрузился в мельтешение таких далеких точек на небе.

Восьмерка «мессеров», что прикрывала бомбовозы, разбилась на пары и непрерывно атаковала, не пуская наших ястребков к лаптежникам. В том, как они действовали, была отчетливо видна слетанность пар на высоте, как и боевой опыт.

Вот, дымя, понесся вниз первый сбитый советский краснозвездный истребитель, второй... но наши летчики тоже были не так просты. Вдруг клюнул носом один из «мессеров» и, чадя начавшим гореть мотором, тоже полетел вниз. Не знаю, кто командовал «ишачками», но его лобовая атака сработала, одна из эскадрилий, разбившись на тройки, ворвалась в строй лаптежников, полосуя их длинными пулеметными очередями. Но и бомбардировщики оказались вовсе не беспомощными, их ответ был достаточно жесток – за четыре сбитых своих немцы

свалили два наших ястребка. Один камнем ухнул вниз, другой же, густо дымя, стал уходить в сторону аэродрома. Воздушный бой смешался все дальше в сторону, я заметил, что врагам на помощь шла еще одна четверка «мессеров», однако их почему-то встретил одиночный «ишачок», остальные мелькали среди лаптежников, откуда вываливались то дымные, то огненные комки, падающие на землю.

Дальше я перестал следить, просто уже не видел. Однако бой одиночного «ишачка» продолжался. Парень на ястребке уже минуту держался против четверки новейших на данный момент истребителей.

Так как сражение шло неподалеку, то я внимательно наблюдал именно за ними, азартно комментируя маневры воздушного бойца или, проще говоря, избивание одиночного советского истребителя.

– ...Да куда ты на вертикаль полез?!...да куда??? Ну все, сбили!.. Бл...!!! – одним словом высказал я все, что думаю об этом бое. Однако после некоторого размышления понял, что пилот ястребка свою задачу выполнил, он сдерживал немцев сколько мог, давая своим товарищам работать с бомберами.

Разглядев, что из «ишачка» вывалился темный комок, который кроме как летчиком никак быть не мог, я с надеждой смотрел на него. Как немецкие летчики изгаляются над нашими сбитыми, которые беспомощно спускаются на парашютах, я знал. Поэтому с толикой страха наблюдал и за летчиком, и за гитлеровцами.

То, что советский летчик еще не знает о неприятной черте немецких асов, я понял сразу, как только он открыл парашют достаточно высоко.

Глядя, как пара «мессеров» заходит на белый парашют, я схватился за голову и, присев на корточки, стал смотреть в землю – на безжалостный расстрел смотреть не хотелось категорически.

Послышался треск пулеметной очереди, я закрыл глаза, не желая видеть, что осталось от летчика.

«Смотри, будь злее. БУДЬ ЗЛЕЕ, ЧЕМ ОНИ!!!» – шептал мне внутренний голос.

Подняв голову, я увидел, что пара немцев дерется с тройкой «ишачков», а парашютист продолжает опускаться. Причем, судя по всему, приземлится неподалеку от меня. Посмотрев с благодарностью на советские ястребки, которые спасли своего товарища, я побежал туда, где, по моему представлению, должен был приземлиться летчик.

Судя по всему, парашютист должен был опуститься на другой стороне поля. Ветер его сносил именно туда.

Прикинув примерное расстояние до кромки леса, где он должен был приземлиться, я побежал прямо через поле, сбивая сапогами верхушки пшеницы. Бежать было трудно, высокие ростки пшеницы цеплялись за ноги, из-за чего я пару раз чуть было не упал. Немного срезав путь, я выбежал на узкую полевую дорогу и рванул уже по ней к видневшемуся парашюту, зацепившемуся за верхушку дерева.

Судя по дерганьям веток и шевелениям купола, приземление прошло успешно, раз летчик пытается сдернуть парашют.

Однако, подбежав ближе, я увидел лежащие на обочине узелки с едой, две лежащие косы и рядом точильный камень. А через сильный шум крови в ушах слышал крики. Кричали на русском – в основном мат – и на польском. Предчувствуя недоброе, я на бегу достал наган и, держа его в руке, вломился в заросли кустарника, приметив с дороги примерное направление.

В просвете деревьев были видны двое поляков в безрукавках на белых рубашках, которые вилами тыкали пилота, пуская ему кровь, нанося небольшие ранки. Висящая плетью рука не давала тому воспользоваться пистолетом.

– Ах вы суки!!! – заорал я на бегу.

Оба немедленно обернулись, при этом кто-то, то ли в испуге, то ли от неожиданности, резко взмахнул вилами. Остановившись, я несколько секунд смотрел на длинные зубья, вошедшие в грудь летчика, после чего перевел взгляд на поляков, от чего один из них испуганно икнул.

Ухмылки уже пропали с их лиц, и они со страхом смотрели на наган в моей опущенной руке.

– Уроды! – сказал я устало.

С чавканьем вилы вышли из тела летчика. Парень, выдернув их, отчего труп закачался на парашютных стропах, замахнулся, явно собираясь метнуть их в меня.

Вскинув наган, я с десяти метров всадил в него четыре пули, после чего, направив ствол револьвера на второго, явно собиравшегося сделать ноги, выпустил по нему остатки барабана. Затем, присев на так удобно подвернувшийся пенек, бросил наган на землю и закрыл лицо ладонями.

«Твари, какие же они твари! Сволочи, их же под корень уничтожать надо!» – думал я в бессильно злобе.

Мои терзания нарушил шелест травы и стон. Недо-уменно подняв голову, я с надеждой посмотрел на летчика, но стонал не он, а тот, второй.

– Ах ты сука! Живой, значит! – крикнул я злобно, вскочив, подбежал к вилам, подхватил их и пришил недобитка к земле. Навалившись всем телом на черенок, я с ненавистью смотрел на немолодого поляка, который закатил глаза, захрипел, после чего забился и замер.

– Тварь! Собаке собачья смерть! – я плюнул на тело.

Потом встряхнулся, отвесил себе две хлесткие пощечины, чтобы прийти в себя и, подбрав наган, достал из кармашка патроны и перезарядил его. Вернувшись к телу летчика, несколько секунд смотрел в землю, не решаясь взглянуть на него – меня мучила совесть за то, что не успел. Наконец, накачав себя, поднял голову и посмотрел на парня.

«Старший лейтенант», – сразу же отметил я, разглядев кубари в расстегнутом вороте летного комбинезона.

У летчика было располагающее к себе приятное лицо с большими скулами и полными губами. Светловолосый, он ни чем не отличался от тех же поляков, что его убили.

Осмотрев тело, я прикинул, как снять его, после чего влез на дерево и, дотянувшись, перерезал стропы ножом. Спустившись, я осмотрел лейтенанта. Удар был нанесен прямо в сердце, так что парень умер сразу, не мучаясь. Достав из кармана документы, прочитал их: «Старший лейтенант Соломин Эдуард Игоревич, тысяча девятьсот семнадцатого года рождения. Сто шестнадцатый ИАП. Эх, лейтенант-лейтенант, от немцев ушел, выжил, а тут... эх!» – вздохнул я в такт мыслям, положил удостоверение рядом с планшетом, снятой кобурой с ТТ и случайно обнаруженным третьим магазином; потом подхватил труп под мышки и, двигаясь задом, поволол к дороге.

Вдруг кто-нибудь найдет его и похоронит. Уж если не наши будут тут проезжать, так, может, немцы озаботятся.

Положив тело так, чтобы с дороги было видно, я сбегал за вещами и, достав из планшета блокнот, выдернул листок и написал все данные о нем, а также кто его убил, и сунул в один из карманов. После чего, перекинув через плечо ремень с планшетом, подошел к узелкам с едой и, не глядя, что в них, подхватил и медленно направился обратно в свой лагерь.

Вернувшись, я лег на лапник и, не обращая ни на что внимания, пустым взором смотрел на так успокаивающее меня небо. Никогда себе не представлял войну такой. В моих фантазиях я летал, разя врагов направо и налево, никак не думая, что война такая грязная и подлая.

– Нужно жить дальше, – вслух подумал я. – Винить себя буду всегда, это так, что ни говори, но жизнь не окончена, и еще нужно выжить в приграничных боях и выйти к своим.

Придя к этому решению, я привел себя в порядок старым способом, от которого у меня еще полчаса звенело в ухе.

Развязав узелки, посмотрел, что мне досталось.

«О, фляга! С чем она? М-м-м, о-о-о, молочко. Вкусное. Так, сало, картошка, яйца, лук, хлеб... О, табак. А это еще что?» – спросил я мысленно сам себя, с интересом вертя непонятное. На вкус оказалось что-то вроде сладкой пахлавыв.

Быстро позавтракав, я убрал все, что осталось из еды, в свой вещмешок, отчего он раздулся – продуктов было действительно много, похоже, поляки уходили на весь день – следом отправились два чистых полотна. Собравшись, повесил на плечи оба винтаря, поправил кепку и направился в сторону, с которой прилетели советские самолеты. Я намеревался прибиться к какой-нибудь авиационной части, вдруг примут?

На поле или другое открытое место я не выходил – ученый, ну его на фиг. Поэтому шел по лесу, а где его не было – кустарником или еще как.

Что было странно: за пару часов ходьбы мне не попало ни одного советского солдата, зато постоянно слышалась оружейно-пулеметная стрельба. Не успел я подумать об этом, как в просвете между деревьями заметил какую-то темную массу. Сняв с плеча мосинку, взял ее на изготовку и медленно, стараясь не шуметь, направился в ту сторону.

На краю дороги, уткнувшись капотом в дерево, стояла такая знакомая по фильмам полуторка. Внимательно осмотревшись и убедившись, что все тихо и вроде никого рядом нет, я осторожно, хоронясь, вышел к машине и, поглядывая в разные стороны, подошел к распахнутой дверце и заглянул внутрь.

Кабина была пуста, но потеки крови и пулевые пробоины – как в лобовом стекле, так и в дверце – наводили на нехорошие мысли. Осмотрев почти пустой кузов, где, кроме перевязанных бечевкой пачек газет, ничего не было, я внимательно огляделся.

Те, кто расстрелял машину и убил водителя с пассажиром, не могли уволочь их далеко. Поэтому, пробежавшись по кустам, я быстро обнаружил трупы. Зачем их вообще спрятали, если машина осталась на виду? Странно.

Присыпанные прошлогодней листвой в глубине леса, на расстоянии десятка метров лежали красноармеец, по-видимому водитель, и капитан со звездами на рукавах.

«Старший политрук и красноармеец. Хм, документов нет, как и оружия. Немцы? Поляки? Непонятно!» – думал я, стоя над телами.

Канонада не стихала, как и рев авиационных двигателей над головой, – война шла в полном ее понимании.

Вздыхнув, я снова присыпал тела листвой и, поправив берданку, которая постоянно сползала, вернулся к машине, выдернул пару газет и отправился дальше – нужно искать наших, прибиться к какой-нибудь части.

Еще через час я услышал надрывный плач. Остановившись, настороженно прислушался, пытаюсь определить, послышалось мне или нет. Шелестевшая от ветра трава и шум пролетающей на километровой высоте группы очередных немецких бомбардировщиков никак не давали понять, где плачут. Сделав десять шагов вперед, я понял что звук приближается. Дальше шел уже осторожней. Сперва послышался запах гари, а потом уже показалась опушка. Звук шел оттуда.

Стволом винтовки я чуть опустил ветку куста и всмотрелся в просвет. Лес заканчивался на краю неглубокой, широкой – метров в сто – ложбины, по которой между кустами вилась полевая дорога. Так вот, на этой дороге стояла точно такая же полуторка, что я видел ранее, и изрядно дымила мотором. Рядом с ней стоял на коленях парень в форме и надрывался в плаче.

«Вот дает! Его метров за сто слышно!» – невольно покачал я головой. Затем, прикинув примерный маршрут до машины, немного сдал назад и пошел в обход. Идти напрямую у меня

не было никакого желания. Подойдя поближе, осмотрелся: из кабины свешивалась чья-то рука, с которой капала кровь.

Еще раз оглядевшись, я вышел из кустов и подошел к парню.

– Чего надрываешься?

Испуганно вскинув голову, он схватил валяющуюся под ногами винтовку и навел ее на меня. Смотреть на широкое дуло было неприятно, но я не испугался: вояка не закрыл затвор и было прекрасно видно, что оружие без патронов.

Как только боец перестал стенать, стал слышен хрип из кабины.

– Там что, раненый? – не понял я.

– Р-раненый, – судорожно вздохнув, кивнул парень.

– А ну смирно!!! Ты в каком виде, боец? А ну приведи себя в порядок! – рявкнул я.

Паренька нужно было привести в чувство. Для таких людей главное, чтобы рядом был уверенный в себе человек, и они горы свернут, только прикажи. Так что я знал, как себя вести с подобным типом людей. Приходилось встречаться.

Сделав несколько быстрых шагов, я заглянул в кабину, пока парень застегивал верхние пуговицы гимнастерки, приводя лицо в порядок с помощью уже мокрой пилотки. Видимо, сильно его травмировал первый день войны, раз он подчинился непонятно кому в гражданской одежде.

В кабине лежал водитель и хрипел пробитыми легкими. Рядом сполз на пол убитый лейтенант-артиллерист. У обоих намек на перевязку даже не было.

– Твою ж мать! – зло сказал я, поняв, что водителю остались минуты. Вздохи раненого становились все короче и короче. Попробовать помочь даже не стоило думать, человек умирал.

– Патроны есть? – не оборачиваясь спросил я.

– Нет, товарищ...

– Сержант, – буркнул я, ища в кармане патроны от мосинки. Найдя, отсчитал ровно десять штук и, отдав их парню, сказал, пока он неловко заряжал винтовку:

– Вон бугор, займи позицию, что не так – сразу сообщай.

Как только топот сапог стих, я повернулся к раненому. Вдруг он открыл глаза и посмотрел на меня совершенно осмысленным взглядом, ничего кроме океана боли я там не увидел.

– Все хорошо, сейчас врачи придут и вылечат, потерпи, папаша, – успокаивал я сорокалетнего на вид ефрейтора.

Водителю оставались минуты, и я посчитал, что рядом с ним кто-то должен быть.

– Ха-ррма-ннн... – прохрипел он.

– Что? Карман? – переспросил я.

Водитель подтверждающе опустил ресницы.

Пачкая пальцы кровью, я расстегнул клапан кармана и достал портсигар. Ефрейтор смотрел, как я открываю его. Внутри вместо папирос было несколько писем.

– А, написать родным?

Водитель опять опустил ресницы.

– Хорошо, я напишу, что вы погибли геройской смертью, – сказал я, убирая портсигар в планшет. Нужно было поддержать умирающего.

Но похоже, в последние действия ефрейтор вложил остаток сил, поскольку, стоило мне поднять глаза, как, захрипев, он дернулся и замер с открытыми глазами. Пачкая его загорелую шею кровью, я пощупал пульс – его не было.

– Блин, а! Что же это такое?! – взвыл я.

Опять рядом со мной умирал человек...

Постояв несколько секунд, я занялся осмотром машины. Бойцы, кроме парня, были артиллеристами, соответственно ничего, кроме снарядов, в кузове не обнаружилось. Только одинокая каска лежала на одном из ящиков.

А вот в кабине в специальном зажиме находился карабин. Сняв с ефрейтора ремень, я осмотрел подсумки и переложил патроны себе, их оказалось двадцать штук. Обыскав погибших, забрал у обоих документы, заодно став обладателем еще одного нагана и великолепного бинокля, затем направился к бойцу, не придумавшему ничего лучше, чем взобраться наверх бугра и активно крутить головой, а что его видно с любой стороны, явно не сообразил.

Отойдя метров пятьдесят от грузовика, заметил активные махания парня. Поняв, что он имеет в виду, я жестами показал, чтобы он спрятался. Почти сразу сквозь постоянный шум близких и дальних перестрелок донесся шум моторов – похоже, сюда ехали немецкие мотоциклисты.

Свистнув, чтобы привлечь внимание бойца, я взмахом руки подозвал его, а когда он быстро спустился, скомандовал:

– Валим отсюда, пока нас не обнаружили!

Шум двигателей стих около полуторки – видимо, немцы осматривали ее.

– Стой тут, вещи сторожи, – приказал я тяжело дышащему бойцу, а сам, подхватив бинокль, вскарабкался на вершину, старательно прикрываясь ветками.

Я не ошибся, у грузовика стояли два мотоцикла и пять немцев, осматривающих полуторку.

«Пятеро. Хм, шанс? Вряд ли, никакой уверенности у меня нет. Это точно. Но просто так уходить не стоит, пальнуть и валить! – решил я, продолжая разглядывать гитлеровцев. – Эх, сюда бы калаш! – мелькнула мысль. – Трех бы снял, так удачно кучкой стоят. Пулеметчик вроде не страшен – вон как развалился и ногу взгромоздил на борт коляски. К стрельбе не готов и стрелять-то ему неудобно – пулемет вдоль дороги смотрит, ему и не повернуть в нашу сторону. Тот, что за рулем переднего мотоцикла, закурил, сюда не смотрит, автомат не видно, может, в коляске лежит? У одного из троицы за спиной винтовка, у других не видать. Один точно пулеметчик первого мотоцикла. Будем считать, что у третьего автомат. А что это они так расслаблены, даже по сторонам не смотрят? Такой грех оставлять безнаказанным нельзя. Сколько выстрелов успею сделать? Один точно, второй наверняка, третий сомнительно! А парень стрелять умеет?»

Оторвавшись от бинокля, я с сомнением посмотрел на бойца, который стоял внизу и испуганно крутил головой.

«Вряд ли, этот олух с пустым патронником в меня целился. А может, расстрелял магазин, затвор-то был открыт? Хм, с ненадежным напарником как-то нет уверенности в правильном исходе боя... Стоп! Это же разведка или дозор! У немецких жандармов вроде бляхи здоровенные были, а тут не видать. А всего-то метров шестьдесят. Надо бы вдарить. Уж больно вольготно себя ведут. А вдруг это дозор, и сейчас сюда сотня таких же подвалит? А если разик стрельнуть, и ходу? Если стрельну, отвалить успеем? Лес – вот он, за спиной, можно сказать, ногами уже в нем. Враг внизу, мы прижались, нас и не видно будет. А чуток отползти – так окажемся в мертвой зоне. Кто для нас самый главный и кто самый опасный? Или, может, мотоцикл подбить?»

Подозвав парня взмахом руки, я спросил:

– Боец, как тебя зовут?

– Виктор, товарищ сержант.

– Витек, ты как стреляешь?

Парень замялся:

– Ну... попадаю иногда в мишень.

– Ясно. Сделаем так. Заряди свой винт. Займешь позицию правее метров на двадцать и лежишь не высываясь. Как я выстрелю, немцы попрячутся и станут нас высматривать, ты не целясь стреляешь в их сторону. Главное, чтобы тебя не заметили. Пусть только услышат.

Выстрелил и сразу ползи в лес. Быстро. Не поднимая головы – немцы сразу начнут поливать по тебе огнем. Могут попытаться и к нам рвануть. А я еще раз стрельну – и за тобой. Что понял?

– Отползти дальше на двадцать метров, выстрелить после вас и уползть в лес, – монотонно повторил он, явно запоминая.

– Главное – выше голов стреляй, не надо целиться. Понял?

– Понял, выше голов, – как болванчик, кивнул он.

С сомнением посмотрев на бойца этого малахольного, я сказал:

– Давай, дуй ползком.

Пока Витя занимал отвлекающую позицию, я проверил берданку и мосинку, приложился по выбранным мишеням.

Пулеметчик все так же прохлаждался, развалившись в коляске. Троица пошарила в кузове и снова скупилась возле кабины.

«Что там Витек?» – Я взял берданку. Ага, дополз, выставил ствол.

– Ну, с богом! – Самый высокий из троицы попал в прицел, я потянул спуск.

Раздался выстрел, немцы попадали, я взял мосинку. Бахнуло справа, и тут же затарахтел пулемет.

– Мать! Мать! Мать его... Ах ты гад! – Пули хлестанули по кустам и деревьям, я от неожиданности боднул мордой землю.

«Расслаблявшийся» пулеметчик в одно мгновение вывалился из коляски и содрал с нее пулемет. Разворачивать мотоцикл ему не потребовалось. Один из троицы плюхнулся пузом на заднее сиденье мотоцикла и тоже тянулся к пулемету.

Водила уже стронул машину с места. Сейчас отъедут чуть в сторону и зайдут сбоку.

Мне сразу стало очень неудобно.

– Ну его на... как говорится, не будем жадничать.

И откуда резвость взялась? Не успел задуматься, уже пролетел десяток метров, низенько-низенько, как крокодил из анекдота.

– Витек, бежим, ходу, им до склона секунд пятна-дцать надо! Ноги, ноги!

Уже на ходу начал сообщать, какой у меня в руках ствол. Оказалось – оба. В каждой руке. Второй выстрел сделать не удалось, поразил ли первую мишень – неизвестно. Гансы сейчас влезут наверх и прочешут лесок. Карабин висит на плече.

Блестящая реализация плана!..

Твою мать...

– Ну, давай знакомиться. Вячеслав Суворов, – протянул я руку, когда мы, запаленно дыша, остановились у кромки воды переходящего в болото озера.

– Красноармеец Васечкин.

– Ну что ж, будем знакомы. Есть хочешь?

– Нет, как-то не до того... – начал было он. Видимо, стресс отбил у парня аппетит, но я перебил:

– ...того-того. Ты пойми, ты – боец Красной Армии. Если не поешь, потеряешь силы, так какой из тебя воин? С немцами нам пока не потягаться, они нас банально большим количеством задавят, так что в следующий раз встретимся. Давай отойдем подальше и пообедаем, я, кстати, тоже есть хочу.

– А раненый? – вдруг вспомнил Виктор.

– Умер он. Можно не возвращаться, я все забрал, и документы, и оружие. Кстати, твоя каска?

– Да, моя.

– На забирай, я ее, блин, полкилометра на себе волок. И вот еще, берданку тоже. Неча тебе налегке ходить.

Не успели мы пройти метров двести, обходя болото, как послышался шум боя где-то рядом. Причем были там в основном пушки да пулеметы. Я еще не различал на звук, так что мы встали и, определившись, направились немного в другую сторону.

– А почему мы туда не пошли? – тревожно прислушиваясь, спросил Виктор. Бой, так внезапно начавшийся, также быстро стих.

– Стреляют, – лаконично ответил я. Глубокий овраг с болотистым дном показался мне тем, что надо, для бивуака. Кто нас будет искать в болоте?

С сомнением посмотрев на мой выбор, Виктор все же двинулся следом.

С аппетитом жуя бутерброд, парень с интересом крутил в руках берданку, разглядывая ее.

– Откуда они у вас, товарищ сержант? – спросил он, кивая на оба винтаря.

– Так, я тебя немного поправлю: Сержант – это не звание, а моя кличка среди сверстников, так что я никакой не сержант.

– Но так командуете!!! – не понял он.

– У меня отец – полковник авиации, что ты хочешь?.. Ладно, давай я расскажу тебе свою историю, а ты свою, как здесь оказался.

Быстро и довольно сжато я объяснил, что приехал к своей подруге, отец которой служил в приграничном районе, но попал в руки поляков и...

– Вот гады! Прямо вилами?!

– Да, почти насквозь.

Выругавшись, Виктор продолжил слушать, пока я не закончил нашей с ним встречей.

– И куда мы теперь?

– К своим, конечно, – ответил я, пожимая плечами.

– Стреляют вокруг, – напомнил боец.

– Пройдем... Ты лучше объясни мне, как ты тут оказался, да еще вместе с артиллеристами?

Оказалось, Виктор был из комендантского взвода города Лида. Он только сменился с поста, где охранял склады, как по приказу взводного на сопровождение колонны с боезапасом были выделены люди. Так Виктор еще с десятком комендачей и попал в сопровождение автоколонны. Это и объясняло, почему у него было так мало патронов. Оказалось, на караул выдают только пять штук, а для сопровождения он дополнительный получить не успел, его перехватили на пути в казарму. Короче, обычное раздолбайство. Дальше было просто. Виктор ехал в кузове третьей машины, сидя на снарядных ящиках, как вдруг зачихал и заглох мотор. Водитель только починил полуторку и рванул догонять остальных, как по ним был дан залп из кустов.

– ...я еще думаю, что это машина так странно дергается. Сам стреляю-стреляю, и пули в ответ по бортам барабаныт. Вот доехали мы до... – рассказывал он, морщась от воспоминаний.

Когда Виктор спрыгнул с кузова, ошалело мотая головой, подошел к дверце и открыл ее, то увидел кровавое зрелище. Что делать, он не знал, его пока не учили этому, так как призвали всего два месяца назад, потому-то он упал и завыл. Стресс у пацана был тот еще. Да и я не знаю, как бы повел себя в подобной ситуации – разница в возрасте у нас с ним была всего в год. Этот крик души я и услышал, особенно его окончание.

– Понятно. Надо же, это сколько раненый водитель вел машину, пока вы в кусты не въехали? Километр? М-да, силен. Ладно, нечего рассиживаться. Собираемся и топаем дальше, – сказал я, убирая продукты в изрядно похудевший вещмешок. Достав остатки патронов к мосинке и выщелкнув еще из винтовки, отдал их Виктору со словами:

– Держи. Моя вся изношена, так что мы притопим ее в бочажке, а вот берданку пока оставим, может, еще пригодится.

Убрав кобуру с наганом лейтенанта в вещмешок, к нагану Янека, я поправил на боку кобуру с ТТ летчика и сказал, оттянув затвор карабина и проверяя, заряжен ли он:

– Ну что? Пошли!

Шли медленно, осторожно, постоянно хоронясь от всякого шума. Судя по всему, мы стали удаляться от места основного прорыва немецких дивизий, так как то и дело долетавшие звуки стрельбы уже не были такими интенсивными.

– Гарью пахнет, – тихо сказал Виктор, принюхиваясь.

Я быстро отучил его шуметь на весь лес, так что общались мы в основном только шепотом.

– Да? – тоже принюхиваясь, задумчиво спросил я.

Поправив каску на голове, Виктор добавил:

– Горелой резиной пахнет. И еще чем-то.

– Давай осторожно посмотрим, может, что пригодится?

Через двести метров мы вышли на большую поляну, где, по-видимому, размещался один из приграничных аэродромов.

– Немцы! – почти сразу же заметил Виктор грузовик и суесящихся возле него гитлеровцев.

– Угу, вижу. Их, похоже, тот поврежденный МиГ заинтересовал, – сказал я, разглядев в бинокль, что солдаты осматривают и фотографируют севшую на пузо подбитую машину.

Аэродрома фактически не было, многочисленные воронки, усеявшие взлетную полосу и стоянки с остовами самолетов, ясно давали понять, что по этому полку авиа-удар был нанесен одним из первых. Судя по более чем пяти десяткам сторевших остовов машин, это был полк, вооруженный новейшими на тот момент истребителями МиГ-1. Достав карту из планшета, я посмотрел, где нахожусь. Эта поляна располагалась в двадцати километрах от границы.

– Вить, видишь постройки вон с той стороны? – спросил я, убирая карту.

– Да, вижу.

– Нужно нам подобраться к ним. Хочу переодеться, а там, судя по всему, и жилые постройки, и вроде склад. Обойдем по лесу и там как раз выйдем, немцы нас не увидят.

– Хорошо, – кивнул Виктор.

Через разбитые окна, что выходили на лес, мы попали в пустое здание штаба. Похоже, немцы бегло осмотрели его, продвигаясь дальше. Шелестя бумагами, раскиданными по полу, я оглядел помещения, но ничего интересного, кроме пилотки с голубым кантом, не нашел.

Виктор, который замер у окна и тихонечко посматривал за немцами, обернувшись, сказал:

– Они уезжают.

И действительно, попрыгав в грузовик, «гансы» уехали.

– Давай осмотримся тут, – предложил я, надеясь, что хоть один из самолетов можно найти целым. Однако поиски так и не увенчались успехом, кроме Р-5, который кто-то загнал в кусты, я ничего не нашел. Но и разведчик тоже не был работоспособным, это было хорошо видно по простреленному двигателю.

Зайдя в последнее строение, я обнаружил, что там находится склад с вещевым имуществом.

– Оба-на! То, что доктор прописал! – воскликнул я, увидев это великолепие.

Я немедленно избавился от трофейной польской одежды, вызвав удивленный возглас Виктора, стоявшего у входа и наблюдавшего за аэродромом:

– Ты что, спортсмен? – спросил он у меня.

– За входом смотри. Я же тебе говорил, у меня батя – полковник авиации, я с двенадцати лет летаю, а у истребителей знаешь какие нагрузки? Так что приходится держать себя в форме, – пояснил я, надевая свежее белое нательное белье. Подойдя к стопке летных синих

комбинезонов, подобрал себе по размеру, надел, затянул ремни портупеи и сдвинул кобуру назад, на поясицу. Поменяв пилотку на более новую, стал искать среди хромовых сапог свой размер.

– Там кто-то есть! – воскликнул Виктор от входа, когда я вбивал одну ногу, замотанную новыми портянками, в сапог.

– Иду! – ответил я и, подхватив новенький вещмешок взамен старого польского, быстро переложил в него вещи и подбежал к воротам.

– Прямо как с картинки! – невольно восхитился Виктор, отрываясь от наблюдения.

– Угу, иди прибарахлись, а я посмотрю, что ты тут увидел. Кстати, где ты заметил движение?

– Вон там, где сгоревший бензовоз стоит. Вроде человек был.

– Понял, ну все, иди, а то как бы нам отсюда бежать не пришлось.

Виктор немедленно скрылся в глубине склада, а я, достав бинокль, присмотрелся к кромке леса, где стояли остовы нескольких машин непонятного назначения.

Виктор не ошибся – там действительно оказалось несколько человек. Судя по всему – такие же окруженцы, как и мы.

– Вить!

– А?

– Там вроде наши, – просветил я его.

– К ним пойдем? – спросил он, гремя чем-то.

– Не, погодим немного, что-то они тоже медлят.

Через пару минут группа людей, в которых я уже точно опознал бойцов Красной Армии, вышли на открытое пространство и напрямую направились к бревенчатому зданию штаба.

– Вот идиоты, не могли, как мы, по лесу? – пробормотал я, продолжая отслеживать их перемещение с помощью бинокля, хотя и так было хорошо видно. Четырнадцать человек. Совершенно без оружия. Пустые ремни – и все, ни ножей, ни подсумков! Не нравилось мне это.

Вдруг приближающиеся бойцы остановились и дружно закрутили головами. До меня тоже долетело стрекотание двигателей, причем явно мотоциклетных.

Один из красноармейцев повелительно махнул рукой, показывая на здание штаба, и вся группа стремглав понеслась к нему.

«Не успеют!» – понял я, увидев, как на аэродром выехали два мотоциклиста-одиночки.

До штаба оставалось метров двести, когда мотоциклисты, поняв, что перед ними безоружные, дали газу и, быстро догнав беглецов, принялись хохоча гоняться за ними, стараясь сбить с ног.

– Что тут? – спросил меня подбежавший сзади Виктор.

– Немцы наших гоняют, – ответил я. Приклад карабина плотно уперся мне в плечо. Приложившись щекой к ложу, я прицелился. Рядом щелкнул затвором Виктор.

– Твой левый, мой – тот, что с автоматом.

– Понял, – довольно лаконично ответил парень.

– Огонь! – скомандовал я, нажимая на спусковой крючок.

Наши выстрелы почти слились в один. Мотоциклист, в которого я стрелял, упал, и к нему сразу же метнулись четверо бойцов, разоружая. У ефрейтора был прекрасно пристрелянный карабин, да и мои руки росли из нужного места. А вот второй немец, прижавшись к бензобаку, стал давить на газ, пытаясь скрыться.

– Бл...!!! Витя!!! – заорал я, передергивая затвор. Наши выстрелы снова прозвучали в унисон.

На этот раз мне не повезло, но, к моему удивлению, попал Виктор. Проехав еще метров сорок, мотоцикл завалился набок и, крутнувшись на месте, замер. Дозаряжая карабин, я вышел из ворот склада, сказав парню:

– Молодец. Чего с первого раза прошелкал?

– Поправку неправильно взял, – виновато вздохнул он.

Как и к первому, ко второму мотоциклу тоже рванулись бойцы.

Тот, что командовал среди них, – я запомнил его по плотной фигуре, – что-то приказав своим, направился к нам в сопровождении еще одного красноармейца. Несмотря на то что с момента бега прошло уже минуты две, и подходивший сержант, и его боец продолжали тяжело дышать. Их гимнастерки избороздили мокрые пятна пота.

– Спасибо, парни, если бы не вы, то даже не знаю, что было бы, – усталым голосом сказал сержант с пехотными эмблемами в петлицах, жадно пройдясь глазами по нашему оружию.

– Да о чем вы, свои же люди, – ответил я, пожимая плечами, недовольно разглядывая сержанта. Его действия мне не понравились, и я просто горел от негодования. Как же так? Опытный командир, а допустил такую ошибку, вывел людей на открытое пространство.

– Командир отделения шестнадцатого стрелкового полка сержант Иванов, – кинув руку к пилотке, представился он.

– Красноармеец Вихров, пулеметчик, – после сержанта представился парень лет двадцати пяти.

– Красноармеец Васечкин, комендантский взвод города Лиды.

– Где мы, а где Лида, – удивился сержант.

– Я был в боевом охранении колонны с боеприпасами, – слегка робея, пояснил Вася.

– Понятно. А вы? – повернулся ко мне сержант.

– Вячеслав Суворов, будущий летчик-истребитель, – в свою очередь представился я.

– Так вы не боец Красной Армии?

– Нет, мне еще семнадцать. В этом году я должен был поступить в авиационное училище, но оказался тут. Теперь даже не знаю.

– Если ты не являешься бойцом Красной Армии, то откуда у тебя оружие и форма? – спросил сержант.

– У меня встречный вопрос: ГДЕ ВАШЕ оружие?

– Долгая история, – вздохнул сержант и спросил: – Так как? У меня кроме ракетницы ничего нет. Вон, только что с немцев сейчас снимем, и все.

– Да понял я. Давайте отойдем, поговорить надо, – предложил я.

Мы с сержантом отошли в сторону, чтобы бойцы нас не слышали, и я высказал все, что о нем думаю, особенно о его командирских умениях. Надо сказать, что хоть Иванов и был ошеломлен и недоволен, но ошибку свою признал, о чем и сказал мне:

– Сам понимаю, что ошибся, когда вывел людей, да поздно было. Опыта-то у меня мало-вато, не воевал я. Так как на счет оружия?

– Опыт придет со временем, – вздохнул я, после чего добавил: – ТТ не отдам. Остальное – пожалуйста. У меня два нагана, карабин и берданка. Только расписку не забудьте, что я вам оружие сдал. Так, на всякий случай.

Выкобениваться смысла не было, понимал, что без оружия ребятам и в самом деле просто никуда.

– Берданка-то откуда? – не понял сержант.

– Долгая история, – процитировал я его же слова, глядя, как бойцы, прихватив мотоциклы, идут к нам.

Пока подчиненные Иванова ворошили склад, сам сержант внимательно слушал мой рассказ.

– М-да. Значит, отец у тебя полковник Суворов?

– Ну как-то так.

– Не слышал о таком.

– А вы что, всех командиров авиации знаете? – удивился я, причем достаточно искренне.

– Да нет, но все равно я про него нигде не слышал, – пожал плечами сержант, поправляя на поясе кобуру с наганом.

– А вы почему без всего? Где оружие? – вновь заинтересовался я.

– А-а-а, – расстроено махнул рукой Иванов. – На лесозаготовках мы были. Летним лагерем стояли, результат ты видишь. Оружие в ружпарке, мы за двадцать километров от него, потыкались в разные стороны, везде немцы, вот к вечеру к вам вышли, – пояснил он.

– Да, понятно, – вздохнул я и спросил, чего они так долго стояли у противоположной опушки.

– Братская могила там. Свежая. Мы сюда вообще зачем повернули? Колонну пленных встретили, десятка три там было, все с голубыми петлицами. Немцев десяток было, с голыми руками на них не кинешься же, пошли по следам и наткнулись на аэродром, – пояснил мне Иванов.

– Понятно.

– Семенов, что там? – крикнул сержант в глубь склада.

– Сейчас заканчиваем! – прилетело в ответ.

– Я пойду в казарму схожу, я там вроде удочки видел.

– Рыбу ловить? – понимающе кивнул он.

– Да.

Оставив Витю у склада – он уже ушел под командование сержанта и сейчас «бдел» у штаба, – я метнулся за обнаруженными еще при первом осмотре снастями.

Разыскав две удочки, срезал с них леску с поплавком, грузилом и крючком. Удилища-то можно и другие сделать, главное чтобы снасти были. Меня удивило, что леска была не капроновая, а из шелка. Даже непривычно как-то.

Намотав снасти на щепку и убрав в вещмешок, направился в полуразрушенную близким взрывом бомбы столовую – мне пришла в голову мысль разузнать насчет продовольствия. Но я опоздал – там уже были парни сержанта Иванова.

– Привет, ребята.

– И тебе не хворать, – кивнув, добродушно ответил один из них, рябой боец с винтовкой мотоциклиста на плече.

– Где тут соль можно взять?

– Вон там солонки, бери.

Свернув из лежащей на одном из столов газеты кулек, я пересыпал в него содержимое нескольких солонок и сунул в вещмешок.

– Ребята, там шум двигателей слышно, товарищ сержант приказал уходить в лес! – вбежал в столовую один из бойцов с моей берданкой в руках.

– Уходим, – скомандовал рябой.

Мы уже добежали до опушки, когда на аэродром выехало три машины. Одна легковая и две грузовых. У сержанта был свой бинокль, где-то добыл, я же рассматривал их в свой, встав чуть в глубине леса, чтобы нас не заметили с аэродрома.

– Технари, – коротко проинформировал я всех, продолжая рассматривать немцев.

Машины остановились у единственного уцелевшего МиГ-1, который никто из нас даже не догадался сжечь. Немцы, высыпавшись из кузовов, облепили пострадавшую машину и стали ее осматривать.

– Уходим, не по зубам они нам, – вздохнув, приказал Иванов.

В это время пятеро немцев отделились от основной группы и направились к штабу и складу. Остальные принялись разбирать истребитель и подготавливать его к перевозке.

– Может, возьмем этих? – спросил я, сам не ожидая от себя такого, и, опустив бинокль, задумался. В последнее время, после попадания сюда и встречи с поляками, я находился как

бы в прострации, то есть ходил, делал все как во сне. А сейчас эта пелена будто спала с моих глаз и появилось желание жить, просто жить. Вернувшиеся краски вокруг, воздух с ароматом горевшей техники и бойцы, стоящие рядом и с каким-то непонятным любопытством разглядывающие немцев, и о чем-то говоривший сержант дали мне понять, что я «вернулся». Я. Тот, настоящий, песенник, балагур и бабник. Который может пойти на что угодно.

– Что? – не расслышал я слова Иванова, будучи занят своими мыслями.

– Я говорю, что шанс, конечно, есть, но как мы будем уходить? Если немцы вон там поставят пулемет, то они перекроют наш отход, и шансов уйти из зданий в лес не будет. По крайней мере потери будут, – повторил сержант.

– Это, конечно, так... – задумался я на несколько секунд. В голове стремительно прокручивались варианты нападения. Проснувшийся азарт просто требовал уничтожить этих гитлеровцев. – ...Но если парни с винтовками нас прикроют и не дадут немцам рассредоточиться по воронкам, пока мы уничтожаем этих, что к зданиям идут, то шанс есть.

– А когда будем уходить, они нас прикроют из окон штаба, а мы их из леса... Хм, а что, вполне может быть, – после некоторых раздумий согласился сержант.

Быстро отобрав бойцов, Иванов хотел было оставить и меня с безоружными, но я воспротивился:

– Бой в помещениях лучше вести преимущественно из пистолетов и автоматов, так как с винтовкой там не развернешься, – и похлопал себя по кобуре.

Короче, меня взяли. В это время неторопливо идущие немцы скрылись в штабе и складе, и мы, прикрываясь деревьями и строениями, чтобы нас не рассмотрели как с машин, так и изнутри помещений, двинулись вперед.

Прижавшись к срубам штаба, спиной ощущая все выпуклости бревен, я старался восстановить дыхание. Оказалось, передвигаться под возможным обстрелом или под давлением, что тебя вот-вот обнаружат, очень даже действует на нервы, из-за чего сбивается дыхание.

После знака сержанта мы стали заглядывать в окна, осматривая помещения. В моем никого не было, а вот в соседнем, судя по тому, как боец быстро присел, кто-то был, да и до меня донеслось непонятное бормотание на не нашем языке. Боец повернулся к сержанту и показал два пальца.

«Понятно, там двое!» – понял я его знаки.

Ствол пистолета приоткрыв створку окна, в котором отсутствовали стекла, выбитые близкими разрывами авиабомб, я, положив ТТ на подоконник, проник в помещение, подхватил пистолет и прицелился в дверь. За мной почти сразу влезли два бойца, у одного из них был немецкий карабин и подсумки с обоймами на поясе. У второго кроме гранаты ничего не было.

Показав на дверь, я сделал движение, как будто открываю ее, ткнув пальцев в того, что с гранатой. Дождавшись, когда он, медленно переставляя ноги, чтобы не скрипеть половицами, подойдет к двери и возьмется за ручку, дал сигнал и тут же выскочил в коридор, разворачиваясь влево. Парень с карабином, страховавший меня сзади, вылетел следом, разворачиваясь вправо.

В это время снаружи хлопнул выстрел, и рядом, за тонкой стенкой заорали на немецком. Ворвавшись в соседнюю комнату, я застал там двух гитлеровцев, собиравших раскиданные документы в большой мешок. Один из них уже срывал с плеча карабин, второй же только тянулся за оружием, глядя на меня выпученными от неожиданности глазами.

Выстрелив в самого шустрого, я перевел ствол пистолета на второго и под крик: «Найн!!! Нихт шизен!!!» – нажал на спусковой крючок.

Подойдя, я обнаружил, что первый немец, в отличие от второго, еще жив. Спокойно направив на него пистолет, нажал на спуск, вгоняя в него еще одну пулю. Сделав контроль, подумав при этом: «Это вам за Брест!»

– У меня чисто, – тут же заорал я, перезаряжаясь.

– Оружие давай, – немедленно отозвались снаружи, и в окне появилась конопатая физиономия.

В здании хлопнула винтовка, пару раз щелкнул наган и коротко протрещал автомат.

Отдав страховавшему меня бойцу с гранатой и конопатому по карабину с амуницией, я занялся другими трофеями. Прежде всего собрал документы убитых и убрал их в планшет, затем снял с одного из немцев часы. Швейцарские, судя по эмблеме. Однако сильнее всего меня заинтересовал двухлитровый термос со специальными наплечными ремнями. Вдруг на полу что-то блеснуло. Поворошив валявшиеся бумаги, я обнаружил полураздавленную пачку патронов для ТТ. Быстренько собрал подвернувшиеся боеприпасы, ссыпая их в карман, после чего спросил стоящего в дверях бойца:

– Что там у остальных?

Ответить он не успел – снаружи послышалась частая стрельба и чей-то крик:

– Уходим! Немедленно уходим!

Когда страхующий меня парень выбежал, я вытряхнул из мешка собранные немцами документы, зажигалкой Янека поджег образовавшуюся кучу в нескольких местах и тут же выскользнул наружу через окно, чуть было не зацепившись ремнем планшета за край подоконника.

Бойцы с винтовками дали нам возможность отступить, а потом, уже под нашим прикрытием, тоже рванули к лесу.

– Все уходим, а то как бы помощь им не пришла, – скомандовал сержант. И построив людей в колонну по одному, поставив меня замыкающим, быстро повел отряд прочь от аэродрома.

К моему удивлению, потеря у нас не было, настолько оказалось неожиданным для немцев нападение. Операцию в таком случае можно считать удавшейся, ведь нам досталось четыре карабина с боеприпасами и гранатами. Пятый, к сожалению был недоступен, так как немца убили на виду у остальных солдат.

Через двадцать минут быстрого хода, почувствовав, что у меня стали сбиваться ноги, я глянул вслед уходящим бойцам, где мелькала спина и Вити, присел на ствол упавшего дерева и стал стаскивать сапоги.

– Что у тебя? – спросил у меня обернувшийся последний боец, тот самый, конопатый.

– Портянка сбилась, сейчас догоню, – ответил я, разматывая портянку.

Поглядев на покраснения на пятке, я заново намотал портянку, надел сапог и после некоторого раздумья поступил так же и со вторым. Встав, немного походил, проверяя, все ли нормально, и побежал за нашими.

Обнаружились они почти сразу, метров через пятьдесят – сидели у обломков немецкого бомбардировщика, что было ясно по крестам на остатках хвоста, и отдыхали. Видимо, ожидая меня, так как Иванов, заметив мою фигуру, мелькавшую среди деревьев, тут же приказал строиться. Еще через полчаса мы наткнулись на парашютиста, зацепившегося куполом за ветки дерева.

– Эк как его! – покачал головой сержант. Летчик напоролся на торчащий сук, который вошел под челюсть, разорвав горло.

Присмотревшись к пилоту, – а это был явно пилот, а не штурман, – я, облизнувшись на редкие сейчас зеркальные очки, коротко проинформировал окружающих:

– Немец!

– Козлов, сними его. Нужно забрать оружие и документы.

– Очки мои, – немедленно сказал я.

Невысокий круглолицый красноармеец, по фамилии Козлов, взобрался на дерево и, дотянувшись, ножом обрезал стропы.

С глухим стуком труп упал на землю. Я сразу же снял с него очки и убрал их в вещмешок, радуясь такой находке. Два бойца немедленно избавили «птенца Геринга» от оружия и планшета с картой.

Отойдя от тела немца метров на сто, Иванов объявил привал. Уже начинало темнеть, и этот самый долгий день в моей жизни стал заканчиваться.

– Андреев, займись ужином, – приказал сержант.

Я открыл вещмешок и достал все остатки продовольствия, что там были, положил сверток на общий стол и, как все, стал ожидать, когда его поделят. Открыв термос, обнаружил в нем кофе, еще достаточно теплый кофе. Налив в крышку, которая была и стаканом, отпил неплохой на вкус напиток, после чего, долив, протянул рядом сидящему бойцу, смотрящему на стакан в моей руке с жадной во взоре.

Тут мое внимание привлек звук авиационных двигателей. Солнце еще не полностью зашло и хорошо освещало летевший на километровой высоте самолет. Это был самый настоящий ТБ-3, а так как я в первый раз его увидел живьем, то, понятное дело, смотрел на него во все глаза. Внезапно в небе появились две точки, падающие на наш самолет сверху.

Хорошо слышно протрещали две пулеметные очереди и короткая в ответ. Глядя, как левый мотор бомбардировщика стал выбрасывать клубы дыма, я больно укусил себя за кулак, остро жалея, что нахожусь сейчас не там, в небе, на своем любимом Як-3.

– Сбили, ведь сбили сволочи! – чуть не плача простонал стоявший неподалеку рябой боец, тоже наблюдавший за разыгравшейся в небе драмой.

– Сейчас прыгать будут, – проинформировал я окружающих.

– Да прыгайте! Прыгайте! – шептали все.

– Товарищ сержант! Их нужно встретить, а то как бы немцам в руки не попали!

– Панов! Дюжев! Суворов! Остаются здесь, остальные – за мной! – немедленно отреагировал Иванов.

Бойцы скрылись из виду, а мы продолжали наблюдать за опускающимися парашютистами.

– Пятеро! – сказал высокий, как будто с высеченным из камня лицом, Дюжев.

Совсем стемнело, и, видимо, из-за этого гитлеровцы не расстреляли парашютистов, которые уже скрылись с глаз, опускаясь неподалеку, примерно в километре от нас.

– Серега, за водой сходи, – попросил Дюжева оставленный готовить ужин Андреев. Я видел, что бойцы очень голодны, так что не удивился, что сержант хоть и бросился на помощь нашим летчикам, но о еде все-таки позаботился.

Проводив взглядом смутно видневшийся при свете луны силуэт бойца, удаляющийся к близкому ручейку с большой кастрюлей в руках, спросил у Андреева:

– А что, котелка нет?

– Да в той столовой из всей тары только эту целой нашли, кроме пары сковородок, конечно. Да ладно, хорошо, что хоть ее нашли, – хлопнув меня по плечу, сказал Андреев.

– Понятно. Помочь чем? – спросил я у него.

– Ага. На вот, консервные банки вскрывай. Трех штук хватит.

Похлебка в кастрюле уже давно варилась, распространяя по лесу дурманящий аромат мясного блюда, когда наконец послышался оклик стоящего на часах Панова.

– Свои, – услышали мы в ответ.

И действительно, первым в освещенный круг возле костра скользнул Иванов, за ним появились остальные бойцы. Среди них выделялась пятерка людей в мешковатой одежде. При свете костра не разглядеть, они далековато стояли, но наверняка это были летчики со сбитого ТБ.

«Нашли все-таки!» – подумал я и тут же повторил свою мысль вслух.

– Нашли... Замучились их по лесу собирать, – устало зевая, ответил рябой боец с такой хорошей полководческой фамилией – Кутузов.

Встав, я отдал импровизированную поварешку, вырезанную Дюжевым из палки, Андрею и, поправив форму, пошел знакомиться с летчиками.

Они в это время устраивали на импровизированном ложе из нарубленного лапника, принесенного бойцами, своего раненого товарища. Судя по шине, он банально сломал при приземлении ногу.

Определив старшего по двум рубиновым прямоугольникам, мелькнувшим в расстегнутом воротнике комбинезона, вытянулся перед ним по стойке «смирно»:

– Здравия желаю, товарищ майор!

– Ну здравствуй, боец. Кто такой? – повернувшись ко мне, спросил майор.

– Вячеслав Суворов, будущий курсант летного училища!

– Не понял! Как это понимать? – нахмурился майор. Остальные летчики, включая раненого, и бойцы Иванова с интересом следили за нами.

– Долгая история, товарищ майор.

– Времени у нас целая ночь, расскажешь, – сказал майор, внимательно осмотрев меня.

Я старался держаться поближе к летчикам, помогая им в случае нужды, и, когда ужин наконец закончился, начались расспросы. Первым шоком для бойцов Иванова стало то, что немцы продвинулись уже довольно далеко от границы, больше чем на три десятка километров. Но все были уверены, что это временные неудачи и наша Красная Армия так даст им по «наглым харям», что «еще долго помнить будут». Однако майор их энтузиазм не разделял, это было понятно по слегка грустному взгляду, которым он осматривал красноармейцев. Во время всех этих бесед удалось выяснить, из какой они части.

Как я и думал, полк подполковника Стрельцова был тяжелым бомбардировочным. В первые же дни войны из-за нехватки бомбардировщиков средней дальности их бросили на затыкание дыр.

«Дырой» оказалась железнодорожная станция, забитая цистернами с топливом для танков. Майор не знал, откуда появилась эта информация, но они чудом, не встретив ни одного немецкого истребителя, смогли добраться до станции.

– ...и тут зенитки сшибли машину Рясова. Я сам выдел, как он направил горящую машину, полную бомб, прямо на склады, потом взрыв, и все потонуло во вспышке, – рассказывал штурман, младший лейтенант Сорокин.

Я тоже с интересом слушал его, стараясь не заснуть – глаза так и слипались. Да и среди бойцов многие заражающе зевали, но все равно очень внимательно слушали летчика.

После бомбардировки, потеряв три машины из девяти, эскадрилья майора Тонина, собравшись в компактный строй, отправилась назад.

– Мы ночники и полетов в дневное время проводили не так много, как было нужно. В общем, нас встретили на подлете к границе, вывалились из облаков и атаковали. Машину лейтенанта Рощина сразу подбили, и он со снижением ушел вниз. Потом подожгли Караваева, Соткина, мы со снижением ушли немного в сторону и, как мне кажется, единственные, кто смог вырваться из той бойни. Одно радует, это то, что задание мы выполнили и сумели сбить один из «мессеров», – устало говорил майор.

Потом Иванов рассказал, как мы тут оказались, не забыв нашу встречу на аэродроме, и майор обратился ко мне:

– Ну а теперь вы, молодой человек, объясните мне, почему в форме и с оружием. И вообще, что тут делаете?

Пришлось пересказывать свою историю, стараясь не сболтнуть лишнего и то и дело отвлекаясь, чтобы ответить на задаваемые вопросы. И это при том, что зверски хотелось спать:

– А как получилось, что ты летчик?

– У меня батя полковник авиации, заместитель командира дивизии. Уговорить его сперва было трудно. Но я воспользовался тем, что к нам приехал друг отца, и попросил его помочь, вот он и помог. Хоть немного, но опыт пилотирования И-16 у меня теперь есть.

– Что, прям вот так разрешили на истребителе? Насчет У-2 еще как-то могу поверить, но не боевой же истребитель!!! Наверное, друг твоего отца не меньше генерала.

– Да, боевой генерал. Дядя Паша, – подтвердил я.

– Что за дядя Паша? – попался на крючок майор. Что было странно, в наш разговор не вмешивались остальные авиаторы, слушать слушали, но молчали. Видимо, авторитет у Тонина был абсолютный.

– Генерал Рычагов, – коротко ответил я.

– Кхм... – издал горлом неопределенный звук удивившийся майор.

Борт-стрелок Сашка Кириллов, бывший всего на три года старше меня, от изумления громко хлопнул себя по коленям, но, поймав взгляд командира, тут же стушевался.

– Так ты его лично знаешь? – спросил Тонин.

Кроме нас, авиаторов, рядом никого не было, остальные сидели у костра, о чем-то разговаривая, но большая часть уже начала укладываться. Кроме Виктора, который, открыв рот, устроился неподалеку и увлеченно слушал нас.

– Ну да, он хороший приятель отца, вместе служили, – с деланным безразличием пояснил я.

– И что он сделал, когда узнал, что ты хочешь пилотировать боевой самолет? – все-таки спросил Тонин.

– Да знать он, наверное, знал. Уж доложили наверняка, что я летаю на У-2. Но в дивизию пришла новая техника. ЛаГГи и Яки. Вот я набрался наглости и, когда он прилетел в часть к отцу, подошел и попросил разрешения на обучение на старой технике.

– И он тебя послал? – то ли утвердительно, то ли вопросительно сказал майор.

– Вначале, но после восьмой моей попытки все-таки согласился. Правда, сперва посмотрел, как я управляюсь с У-2.

– И что было дальше?

– Он разрешил. Правда, с опытным инструктором. Они хотели провести «рекламную» акцию для комсомола по линии ОСОАВИАХИМа, что, мол, вот уже и подростки летают.

– Что-то я не слышал такую историю... – начал было майор, но я перебил его с видимым удивлением:

– Да? Странно! Эта история в прошлом году получила довольно много пересудов в узких кругах.

– Ну, вполне... может... быть. А где служит твой отец? – продолжая пребывать в задумчивости, спросил Тонин, но я не попался на такую уловку и отделался общей фразой:

– Да... за Москвой.

Было видно, что это наш не последний разговор. И еще не раз мы будем обмусоливать эту скроенную чуть ли не на коленке историю. Я понимал, что она шита белыми нитками, но серьезно считал, что если только доберусь до кабины истребителя, то сразу покажу, на что способен, отбив все вопросы, а если поймут на вранье, то... Что ж, скажу, что пойду НА ВСЕ, лишь бы попасть в авиацию, даже на вранье.

– Иванов, давай отойдем! – приказал сержанту Тонин. Встав, они под нашими взглядами отошли в сторону. И как только майор удалился на некоторое расстояние, на меня сразу же обрушился шквал вопросов от остальных слушателей.

Когда через час объявили отбой, у меня уже язык отваливался рассказывать в подробностях, как я учился летать и как «уговаривал» генерала.

Утром майор Тонин, который принял командование нашей сборной солянкой, после легкого завтрака из остатков продуктов дал команду на выдвижение. Кстати, оказалось, что почти все припасы, что у нас были, мы схарчили еще вчера вечером.

Так что, построившись в колонну, мы отправились дальше, но на этот раз с дозором впереди.

Шел я рядом с носилками с раненым летчиком. Им был старшина Середа, тоже, как и Сашка, бортстрелок.

Заметив, что старший сержант Земляной, судя по струйкам пота, стекающим по его лицу, стал выдыхаться, я сказал:

– Давай сменю.

– Старшина – парень тяжелый. Вряд ли справишься, – слегка задыхаясь, ответил он.

– Не волнуйтесь, товарищ старший сержант, я ведь спортсмен. Тяжелая атлетика, она, знаете ли, укрепляет организм.

– Ну ладно, а то я ж действительно... Головой об дерево ударился, мутит меня что-то. Саня, остановка.

Парни положили самодельные носилки на землю, и я сменил уставшего сержанта. Кириллов в отличие от Земляного был в лучшей форме и замены не требовал, о чем сообщил сунувшемуся к нам Иванову. Подняв носилки, мы направились вслед за слегка удалившейся группой.

Судя по постоянному шуму моторов, шли мы неподалеку от оживленной трассы, да и разведчики, постоянно шмыгавшие в ту сторону, возвращались удрученные. Возможности перейти через дорогу не было. Она вся была забита немецкими войсками.

Наконец майор объявил привал, позвав командиров о чем-то совещаться.

Поставив носилки, я вытер пот со лба. Все-таки таскание тяжестей по такой жаре в форме – не настолько легкое дело, как мне казалось. Скинув вещмешок, отстегнул термос с водой из встреченного нами родника и, налив в крышку, предложил ее раненому. Затем пришла очередь сидящих рядом летчиков и бойцов, и только потом – моя. К тому времени воды в термосе осталось граммов пятьдесят.

Вдруг по отряду пронеслось оживление, многие привставали и, вытягивая шеи, всматривались в глубину леса, откуда к нам шли пять человек.

На зрение я никогда не жаловался, поэтому сразу разглядел среди мужских фигур тонкий девичий стан.

Гормоны немедленно встали в стойку. Не сводя взгляда с приближающейся девушки, я по кубарям и эмблемам определил, что она военфельдшер.

– Что, Севка, понравилась? – спросил меня Кириллов, который тоже с любопытством разглядывал пополнение. С разведчиками пришли двое бойцов и та самая девушка-военфельдшер.

Познакомиться не успел, хотя даже шагнул в ту сторону – но майор дал команду к выдвижению.

К моему удивлению, дорогу мы пересекли в обеденное время. За полчаса до двенадцати часов движение стало не такое интенсивное и через некоторое время совсем прекратилось, кроме изредка шнырявших посыльных на мотоциклах. Дождавшись, когда никого не будет видно, быстро перебежали на другую сторону дороги и вломились в лес.

Отойдя от памятной дороги, на которой снова началось оживленное движение, мы остановились на привал.

Военфельдшер Зимина, которую прибило к нам течением войны, служила операционной сестрой в окружном госпитале, а здесь оказалась в виде шефской помощи одному из госпиталей – там их не хватало. Ну, дальше понятно. Внезапная война, постоянные бомбардировки, немцы, и вот она с двумя бойцами из госпитальной охраны встретилась с нами.

– Самая обычная история, – тихо себе под нос пробормотал я, слушая Кириллова, который уже успел разузнать все, что только можно.

В самом конце отдыха, за пять минут до запланированного подъема, мы слышали гул авиационных моторов.

– Наши! – уверенно сказал старшина Серeda, прислушиваясь к звуку моторов.

Самолеты над нами пролетали постоянно, и мы уже как-то привыкли к этому. Но все они были немецкими, и слова старшины сразу же вызвали ажиотаж среди бойцов.

– Четыре СБ и звено «ишачков» в прикрытии, – сказал я сразу же, как только увидел самолеты в переплетении ветвей.

– Угу. Похоже, они с соседнего полка. Там были эсбэшники, – задумчиво пробормотал Кириллов, с жадностью смотря на своих товарищей в небе.

– С прикрытием. А нам не дали. Сказали, что нет, – хмуро сказал старшина.

– Может, новую часть с внутренних округов перекинули? – спросил я, не отрываясь разглядывая самолеты. Все-таки это были свои. Такие же летчики. Только они там, в небе, а ты ползаешь на земле, с завистью глядя на них. Или с надеждой, что они «дадут ТАМ за нас».

– Может быть, – ответил старшина и, привстав на локте, тоже стал всматриваться в кресты на небе.

– Хотя нет. Ошибся, – приглядевшись, со вздохом сказал я.

– В смысле? – не понял Кириллов.

– Это сборная солянка. Ведущий – хороший пилот, видно, как он маневрирует, а вот ведомые – желторотые птенцы. Или из училища, или с другой части. Постоянно теряют ведущего, нет опыта совместного полета.

– Действительно, один ведомый отлетел в сторону, – раздался за спиной голос майора.

– «Мессеры» со стороны солнца на них заходят... – сказал я, указав в нужную сторону. Все смотрели на наши истребители и как-то прозевали немцев.

– Их всего двое, ну сейчас наши им покажут, – радостно воскликнул Иванов, хлопнув себя по ноге от переизбытка чувств.

Поглядев на него как на несмышленное дитя, я стал монотонно перечислять, что сейчас произойдет. Каждое движение наших и немцев было передо мной как открытая книга:

– Судя по тому, как действуют немцы, слетанность пары у них на очень высоком уровне. Такое постигается месяцами усиленных тренировок...

– Да ладно! Сейчас наши их... – перебил меня рябой боец, глядя на небо блестящими от предвкушения глазами.

– У наших шансов нет! – коротко проинформировал я их. – Сейчас немцы атакуют сверху и сожгут ведущий бомбовоз... Ну вот, он падает... Вот сейчас они атакуют «ишачки». СБ от них никуда не денутся, а вот избавляться от помех они станут сразу. Судя по тому, как они атакуют, немцы уже поняли уровень подготовки и сожгут самого слабого – это левый ведомый... Падает. Вот они уходят в пике и вверх. Сейчас наберут высоту и снова атакуют, уже сверху.

– Слушай, да замолчи ты!!! И так двух наших сбили! – не выдержал сержант Иванов. Майор Тонин молчал, но бросил на меня какой-то странный взгляд.

– Сейчас сожгут второго ведомого и займутся ведущим, но и он долго не продержится. Потом они погонятся за остальными бомберами, – тихо сказал я.

Бросив на меня быстрый взгляд, майор стал смотреть в небо. Я тоже смотрел. Меня интересовало, как действовали немцы в боевой ситуации: все-таки одно дело – смотреть на это в старинных кинохрониках и читать мемуары и совсем другое – смотреть живьем.

Бойцы стонали и шевелили руками, как будто это они там, в кабине последнего истребителя, дерутся с немцами, но бой не продолжался долго. Как я и говорил, сбив «ишачок» ведущего, «гансы» немедленно бросились за бомбовозами, оставив летчика опускаться на парашюте немного в стороне от нас. Пока мы смотрели на довольно далеко начавшийся бой, он как-

то быстро стал вестись над головой, так что, покинув кабину истребителя, летчик опускался фактически на нас.

– Быстро! Разведка – за ним! – скомандовал Тонин, очнувшись после завораживающего зрелища неравного боя.

Как только пяток бойцов во главе с Ивановым исчезли в направлении, куда относил ветром летчика, Тонин повернулся ко мне и сказал:

– Папа показал? Научил летать? Хрена!!! А ну давай говори, откуда такие подробности знаешь, как действуют немцы! – жестко приказал майор.

Бойцы, в основном летчики Тонина, сгрудились вокруг, вопросительно глядя на меня.

– Да что тут такого? – пожал я плечами. – У нас на аэродроме была четверка «мессеров». Немцы подарили Союзу. Правда, модификации «Е», но все равно. Дали на два месяца для изучения и составления учебного боя между немецкими и нашими истребителями.

– Что ты этим хочешь сказать? – спросил у меня майор.

– В дивизию поступила новая техника, вот ее и решили испытать в учебном бою с «мессершмиттами». Так что этих боев я насмотрелся по самое не хочу, там реально искали слабые и сильные стороны немцев. Правда, модификация «Е» сейчас у немцев практически отсутствует, они на другую перешли, но все равно действия те же.

– Ясно. Действительно, такое может быть, – после некоторых размышлений согласился майор.

– У нас на аэродроме еще «хейнкели» были и «юнкеры», – слегка хвастливо приврал я, надо же держать марку.

– Ну, это понятно, для чего – дивизия же истребительная. Но все равно не помню я полковника Суворова, – сказал Тонин.

– Фамилия моего отца не Суворов, – ответил я лениво.

– Так, подожди-ка, но ты же сам говорил что... Хотя... Действительно не говорил, – вспомнив, признал майор. – Тогда кто у тебя отец?

– Полковник, – чуть улыбнувшись, ответил я. Отвечать не хотелось категорически.

– Я помню, что полковник. Фамилия какая?

– Не, не скажу. Он и так наверняка всех на уши поднял, так что не хочу, чтобы меня в летную школу отправили, попаду в какой-нибудь полк и пристроюсь там. Покажу себя.

– А Суворов?

– Девичья фамилия бабушки.

На дальнейшие вопросы я стал отвечать односложно, и после некоторых попыток разговаривать меня, даже рявкнув в приказном порядке, ничего он не добился – и так хватит ему информации для размышления.

Еще через полчаса, когда мы отдыхали, прибежали разведчики-спасатели, таща на прицепе летчика.

– Немцы! Цепью идут. Лес прочесывают, – запаленно дыша, доложил Иванов.

– Немедленно уходим, – крикнул майор и обратился к летчику, который никак не мог отдышаться:

– Сто шестнадцатый ИАП?

– Да... товарищ... майор, – в три приема выдохнул лейтенант.

– Понятно. Это вы неподалеку от нас стояли. Я хорошо знаю вашего командира, майора Пугачева.

– Я помню вас, товарищ майор, вы неделю назад к нам на У-2 прилетали.

– Вот и хорошо, что помнишь. Давай в конец строя. Всем внимание! Собираем все силы, и бегом, бегом бежим на восток. Вперед! – скомандовал Тонин и возглавил нас, пустив вперед сперва разведку.

– Привет, я Сева Суворов, – поздоровался я с лейтехой.

– Лейтенант Курмышев, – слегка холодно представился он. Видимо, никак не мог понять, почему я не представляюсь как положено.

Остальные летчики быстро просветили его насчет меня, не забыв упомянуть мои едкие комментарии в его адрес в воздушном бою.

С лейтенантом мы быстро нашли общий язык, и дальнейший наш бег шел под жаркие споры, как надо и как не надо было действовать. Немного позже я рассказал ему, что стало со старшим лейтенантом Соломиным из его полка. Это вызвало у него натуральный шок.

– Я ведь тоже в том бою был, мы тогда семерых потеряли. Эдик, он вторым звеном командовал, в третьей эскадрилье, – со вздохом сказал лейтенант...

Через три часа, под самый вечер мы вышли к небольшому польскому хутору, стоящему в глубине белорусского леса. Поселения нам встречались довольно часто, но мы обходили их, а вот одиночный хуторок заинтересовал майора, и он выслал разведку. Наши животы уже пели голодные рулады, так что мы встретили этот приказ с полным одобрением.

– И все-таки, почему ты думаешь, что я смог бы сбить хотя бы один из «мессершмиттов», если бы вел бой на горизонталях? – опять запел привычную песню Курмышев...

– Все чисто, товарищ майор. Немцев нет, – отрапортовал боец.

Тонин в очередной раз осмотрел в бинокль хутор и спросил:

– А хозяева?

– Семеро их там. Старик с женой, трое сыновей, молодка и пасынок.

– Поляки? – влез в разговор я.

– Вроде да. Я точно не слышал, но вроде по-польски говорили, – кивнул мне парень.

– Поляки! – сказал я таким тоном, как будто это грязное ругательство.

Мои рассказы слышали все, так что некоторые нахмурились. Однако Тонин, посмотрев на людей, все равно приказал:

– Идем на хутор, может, припасами разживемся. Иванов, возьми несколько бойцов, осмотри, что творится с той стороны хутора. Остальные – за мной!

Благодаря тому, что майор заранее отправил на хутор пару бойцов, которые успели познакомиться с хозяевами, нас встречали с «хлебом и солью». Вернее, без, но все равно с приятными улыбками и радостными глазами. Мне показалось все это каким-то фальшивым, нарочитым, но я ничего не сказал. Да и что говорить, глядя, как хозяева уже расставляют столы в великолепном яблоневом саду, где вечерний воздух просто создавал мирок покоя и уюта? Посматривая, как дородная хозяйка с приятной улыбкой расстилает скатерти, а девушка уже носит яства в глиняных блюдах, я только морщился. Не нравилось мне тут. Заметив мою мину, майор молча показал кулак, выражая свое отношение к моему поведению. В отличие от остальных, которые уже стали садиться за столы, куда хозяин водрузил большую бутылку самогона с плававшим внутри стручком перца, я, положив у одной из яблонь, где устроили старшину Середу, свой вещмешок, поправил кобуру и спросил у хозяев:

– Где у вас тут удобства?

Старик, посмотрев на меня, сказал одному из своих сыновей, тому, что постарше:

– Марек, проводи товарища командира.

– Не надо! Просто покажите, куда идти. Я сам найду.

Чуть замешкавшись, Марек указал на один из шести сараев и пояснил с легким акцентом:

– За постройкой, там, есть.

Широко шагая к сараю, я спиной чувствовал на себе взгляды поляков, и мне все это нравилось все меньше и меньше.

«Может, они на самом деле нормальные? И мне все кажется? Или все-таки вещун не подводит? А если еда “заряжена”? А?» – под такие мысли я нашел будку для размышлений и спокойно воспользовался ею. Застегнув ремень, провел по поясу, убирая складки за спину, и двинулся было обратно, как что-то привлекло мое внимание.

На земле валялась красноармейская звездочка. Давно лежала, ее уже успели втоптать в грунт, и она не привлекала к себе внимание, и только я случайно поймал зайчик, отразившийся от одного из лучей. Выковыряв звездочку из земли, почистил ее и внимательно осмотрел.

«Не соврал вещун, что-то тут есть!» – мелькнула мысль. Расстегнув кобуру, достал ТТ, передернул затвор и стал осматривать сарай.

«Повезло» мне на последнем. Открыв подпертую вилами дверь, я вошел в полутемное помещение. Сперва я не понял, что там. Но когда глаза привыкли к полу-тьме...

Увиденное заставило меня отшатнуться назад и издать горлом неопределенный всхлипывающий звук.

Там были наши. Там ВИСЕЛИ наши. Они были прибиты к стенам сарая. Глядя на обрубки рук и ног, которые были прижжены, чтобы не истечь кровью, я перевел взгляд на корыто, полное отрубленных кистей рук и ступней ног. Парни были живы, я видел, как они смотрели на меня своими открытыми глазами. Закрыть они их не могли. Веки были срезаны.

Судя по голубым петлицам, четверо из шести были летчиками. Двое – пехотинцы.

– Сейчас, парни. Сейчас, – тихо бормотал я, рывком раздирая крючки на воротнике. Мне просто не хватало воздуха. Парни молчали. Кляпы не позволяли им сказать что-нибудь, но глаза были красноречивее слов.

– Я сейчас! Я... Я... Сейчас! Вы подождите. Я за нашими, – тихо пробормотал я и, пошатываясь, вышел из сарая.

То, что стало с сержантом милиции после того, как он попал в руки поляков, не шло ни в какое сравнение с увиденным сейчас.

«Нужно торопиться. Поляки могут забеспокоиться», – подумал я и, встряхнувшись, дозарядил пистолет патроном из запасного магазина. Теперь у меня было девять выстрелов.

Я как-то быстро пришел в себя и стал действовать со спокойствием робота, отключив все эмоции. У меня появилась ЦЕЛЬ.

Застегнув кобуру, сунул пистолет за пояс сзади, чтобы его можно было легко вытащить, и направился к туалету. Подойдя, привел себя в порядок и, изобразив на лице спокойно-скупчающее выражение, вышел из-за сарая, поправляя на ходу ширинку комбинезона, как будто только что из туалета. Поляки, что наблюдали за мной, существенно расслабились.

– Ну вот он, а ты, Марек, раз пять хотел сходить проверить его! – со смехом сказал сержант Иванов.

Подходя к столам, где веселье шло полным ходом, я посмотрел на старика. И сразу понял, что сделал это зря: он обо всем догадался.

– Севка, что с тобой?! – удивленно спросил Кириллов, глядя на меня. Многие бойцы стали оборачиваться.

И под крик старика: «Марек!!!» – я выхватил из-за пояса ТТ и открыл огонь. Стрелял двойками. Две пули в дернувшегося Марека, две – в среднего брата. Потом поворот направо – и еще две пули в грудь хозяйки, которая испуганно застыла рядом с майором Тониным. Забрызгав майора кровью, она упала на спину.

«Шесть есть, осталось еще три!» – хладнокровно подумал я, считая патроны.

Прицелившись в спину младшего сына, выстрелил в него. Снова двойкой. И сразу же нажал на защелку, выкидывая из рукоятки пустой магазин. Полный запасной уже был у меня в руке и без задержки скользнул в рукоятку. Не передергивая затвор, я продолжил стрельбу.

Две пули в молодую польку, что кормила старшину, две – в двенадцатилетнего пацана, и как только я навел ствол на старика, оставив его напоследок, кто-то вцепился мне в руку.

Шок от моих первых выстрелов прошел, и пара бойцов из находившихся рядом кинулись ко мне, вцепившись в руку, поэтому первый выстрел по улепetyвающему старику попал не между лопатками, а в поясницу, второй, в ногу ниже колена, третий в землю в трех метрах

от старого ублюдка, четвертая – рядом со столом, чудом никого не задев, и последняя, пятая, под самые ноги.

Меня свалили на землю и, выкручивая руки, вырвали горячий от стрельбы пистолет. Пока меня вязали, я молча терпел.

Сбоку скрипел зубами старшина. Польша упала прямо ему на ногу, вызвав сильные боли.

– А ну отошли!!! – заорал рядом Иванов. Бойцы прыснули в стороны, и меня окатили ледяной колодезной водой.

Мат, что стоял вокруг, передавал все, что думают бойцы, не стесняясь Зиминной, подскочившей к старшине, с которого уже сняли подстреленную девку. Так они отходили от шока.

– Поставить его на ноги, – приказал подходивший майор, платком вытирая на ходу лицо и форму, куда попали брызги крови.

Меня рывком подняли, как будто куль с картошкой, и поставили на ноги. Встретив мой взгляд, Иванов отшатнулся.

– Севка, да что с тобой?

Схватив меня за воротник, Тонин заорал мне прямо в лицо:

– Ты что творишь, сволочь?! Зачем?!

Глядя прямо ему в глаза, я разлепил склеившиеся губы и безжизненным тоном сказал:

– Крайний сарай!

– Что?

– Крайний сарай, там наши, им нужна медицинская помощь!

Отшвырнув меня в руки красноармейцев, майор развернулся и в сопровождении десятка бойцов энергичным шагом скрылся за ближайшим сараем, повторяя мой путь.

– Отпустите меня. Я сесть хочу, – сказал я рябому, что держал справа. Переглянувшись, парни подвели меня к одинокому пеньку для колки дров и усадили на него, встав по бокам.

Стоящий на часах Васечкин прибежал, осмотрелся и убежал обратно на пост.

Почти сразу, как только я сел, кто-то закричал у сараев. Крики становились все громче и возмущенней. В них явно прослеживался накал страстей. Вот из-за угла сарая выбежал боец с зеленым лицом и выпученными глазами. Добежав до медички, он схватил ее за руку и силой потащил к остальным. Изувеченные парни нуждались в медицинской помощи.

Просидел я так где-то минут десять, пока не появился пошатывающийся Курмышев.

Хмуро посмотрев на хозяев хутора, он крикнул бойцам, что охраняли меня:

– Отпустите его!

Потирая затекшие руки и поглядев на бледного лейтенанта, развернулся и направился к столу – у меня почему-то появился зверский аппетит.

– Товарищ лейтенант, а что там? – с жадным любопытством спросил рябой боец, второй красноармеец тоже наострил уши.

– Страшно там, – глухо сказал Курмышев, садясь напротив меня.

Взяв лежащий на столе нож, что заставило напрячься окружающих, я отрезал себе кусок сала с прожилками мяса, положил его на хлеб и стал спокойно есть под взглядами присутствующих.

– Как ты можешь есть после того, что увидел?! – с недоумением спросил Курмышев, передергиваясь от воспоминаний.

Поглядев на него, я дожевал и ответил:

– Я уже и не такое видел, и заметь, тоже работа поляков.

В это время из-за угла появилось несколько человек и направились к нам.

– Это лейтенант Рошин и его экипаж. Из нашей эскадрильи, – глухо сказал младший лейтенант Сорокин.

– Мы думали, его «мессеры» еще там, у границы сбили, а оно вон как. Похоже, он на скорости перелетел на бреющем границу и где-то сел, а тут... Твари! Я их!.. – вдруг вскочив, заорал Сорокин. Но его так же скрутили, как и меня до этого.

Убедившись, что он немного успокоился, отпустили.

Посмотрев на него, я достал последний магазин с семью патронами и стал выщелкивать их.

Поставив шесть патронов рядом с Сорокиным, глухо сказал:

– Это парням, от меня.

– Да ты что?! Сдурел?! Да как тебе такое в голову могло прийти?! Сопляк! Мальчишка!!! – сразу же заорал он.

– Ты их видел? – спросил я у него спокойным, ровным тоном.

– Видел, – уже тише сказал он.

– Ты бы захотел жить ТАКИМ?

Сорокин молча склонил голову, постоял несколько секунд, развернулся и шатающейся походкой отправился к остальным в сарай. Рябой со вторым бойцом поспешили следом.

Около меня остался один Курмышев, который, звякнув стаканом, стал наливать в него самогон.

– Не советую, – хмуро посмотрев на алкоголь, сказал я.

– Почему? – спросил лейтенант, поднося полный стакан ко рту.

– Думаешь, парни просто так дали себя взять? Наверняка он «заряжен».

– «Заряжен»?

– Снотворное. Или еще что, – пожал я плечами, шинкуя дольками лук.

– А ведь некоторые успели хлебнуть, – припомнил он, ставя стакан обратно на стол.

Ел я, смотря в столешницу, поэтому не видел, кто подошел к столу, хотя шаги слышал. Подняв голову, я обнаружил стоящего рядом майора Тонина. Посмотрев на него, я вернулся к разглядыванию рисунка на скатерти, поведя мокрыми плечами.

Прочистив горло, майор постоял еще пару секунд, развернулся и направился обратно.

Подняв голову, я посмотрел на пустой стол. Патронов не было. Поглядев вслед майору, который медленно шел, ссутулив спину, я взял нож, встал и посмотрел на старика – тот был пока еще жив.

Я успел сделать к старику всего пару шагов под слова лейтенанта: «Не стоит, Вячеслав. Он того не стоит... Да, оставь нам хоть немного. Знаешь ли, тоже нервы не на месте...» – как услышал быстрые бухающие шаги. Обернувшись, увидел вбегающего во двор Васечкина с винтовкой в руках.

Заметив за столом Курмышева, он быстро доложил:

– Машина. Вроде сюда едет!

– Я гляну. Предупреди майора, – быстро сказал я лейтенанту. Идти к сараям у меня не было ну никакого желания. Хватит, насмотрелся. Молча кивнув, Курмышев вскочил и бегом скрылся за сараями, я же в это время, положив нож обратно на стол, энергичным шагом шел к воротам, от которых к лесу шла слегка заросшая дорога.

– Где? – спросил я у Виктора, доставая из чехла бинокль.

– Вон там, где опушка! Поработал и замолк, – указал рукой Васечкин.

– Угу. Вижу, что-то белеет... – тихо сказал я, всматриваясь в непонятное пятно, и когда оно шевельнулось и опустило такой же бинокль, как и у меня, понял, что вижу милиционера.

«Додумался по лесу в белой гимнастерке шастать. Ее же за километр видно!» – подумал я, недоуменно покачав головой.

– Суворов, что там?

Голос майора был уставший и какой-то безэмоциональный, как мне показалось.

– Похоже, что наши, товарищ майор. Один в форме милиционера. Белая гимнастерка и синие галифе. Больше не видно, но кто-то там еще есть.

– Где? Не вижу. – Мы стояли так, чтобы кусты смородины скрывали нас наполовину.

– От того места, где мы вышли, метров триста направо.

– Теперь вижу. Действительно милиционер, – согласился майор.

– Товарищ майор, уходить надо, и как можно быстрее. Через несколько минут стемнеет, как бы не вляпаться. Лучше посмотреть в доме, что с собой брать, и уходить, – закинул я удочку. Меня действительно озаботила та анархия, что творится сейчас в группе. Один часовой, остальные заняты с ранеными. Понятно, что нужно позаботиться о них, но не всем же! Пару человек мне не помешает – подготовиться к отходу. Припрется кто-нибудь, как вот сейчас, и бери нас голыми руками.

– Мародерничать? Не допущу! – начал было заводиться майор, но я прервал его спокойным тоном.

– Какое мародерство? Вы эту ночь на земле провели? Много народу дохает? А у Кислова подошва оторвалась, ходит с бечевкой перевязанной? А раненого долго собираетесь на руках нести, если есть телега и лошадь? А мясо? Продовольствие? Вон куры, козы, взять на веревке, и когда надо – на убой!

Я начал заводиться. И мне было все равно, что он майор и командир. Пуская сначала присягу потребуют, тогда и козырять начну и говорить, как с командиром.

– Кхм, действительно. Ну хорошо, назначаю тебя по хозяйству, раз такой умный.

«Зашибись! Я теперь еще и интендант! Хотя... Действительно, а кого еще?»

Позади нас собралось человек шесть бойцов с оружием. Быстро распределив их по местам, Тонин сказал:

– Нужно как-то показать, что тут свои.

– Выйти да рукой помахать. У них бинокль, разглядят, – сказал я почти сразу, так как успел об этом подумать.

– Васечкин... – начал было майор, как Виктор вышел на открытое место, прямо в проем ворот, и, подняв над головой винтовку, махнул ею туда-сюда. Я присмотрелся. Опустив бинокль, милиционер обернулся и скрылся за деревьями.

Потянулись минуты ожидания. Почти совсем стемнело, и лес стал плохо виден. Рассмотрев, что в прямой видимости что-то появилось шевелящееся, я поднес к глазам бинокль.

– Идут. Двое в фуражках. Не милиционеры... Пограничники вроде, – сказал я, опустив бинокль.

– Иванов давай кого-нибудь навстречу, путь встретят! – скомандовал сержанту Тонин.

– Есть! – козырнул тот и, также пригнувшись, как и подошел, вернулся к своим.

Через несколько секунд две тени вышли из ворот и подошли к приближающимся фигурам. О чем был разговор, я не слышал, но вернувшийся Иванов доложил, что там действительно свои. Семь человек. Трое милиционеров на машине и четверо пограничников.

– Давай-давай! – командовал Иванов водителю, протискивающему полуторку в узкий проем ворот.

Наконец въехав во двор, грузовик свернул налево и почти сразу заглох, что позволило мне слышать редкие крики боли от сарая с ранеными.

Было темно, но командира, что разговаривал с майором, я рассмотреть сумел. Это был лейтенант, если судить по кубарям, и сейчас он внимательно слушал, что говорит майор, объясняя находку на хуторе и последствия этого. Бросив на меня быстрый взгляд, милиционер козырнул и стал командовать своими людьми.

Во-первых, их сразу посадили за стол. Только предупредили насчет спиртного, да и других напитков.

Во-вторых, я попросил лейтенанта, представившегося Стоговым, помочь в обыске дома и сараев, надеясь на их опыт. Наверняка где-то было спрятано оружие, которое нам было остро необходимо. Также, пока милиционеры и пограничники быстро ели, попросил у Иванова, бывшего в курсе относительно моего назначения, четырех бойцов. Желательно деревенских. Молча кивнув, он скрылся с глаз, и через пару минут около меня стояли четверо красноармейцев, старшим из них был тот самый рябой по фамилии Кутузов.

Дальше я развил бурную деятельность, обозначив бойцам круг задач. Двое шарили по дому, остальные впрягали в телегу коня и готовили транспортное средство к долгому переходу, смазывая оси найденной смазкой и проверяя ступицы. После чего они должны были заняться козами и курами.

– Подох! – ткнув стволом винтовки в старика, сказал один из пограничников, сержант Слуцкий. Он только что вернулся от сараев и сейчас был не в самом лучшем настроении.

– Держи, – протянул мне мой пистолет Курмышев. Взяв его, я спросил у Васечкина тряпочку, оружейное масло и, смахнув со стола объедки, вытащил из кармана оба запасных магазина. Достав из вещмешка узелок с патронами, снарядил магазины, после чего занялся чисткой пистолета. Стеклообразная лампа, стоящая на столе, давала мало света, но мне хватало.

– Так это ты их? – спросил лейтенант-милиционер, усаживаясь напротив.

Его люди вместе с двумя пограничниками уже начали обыск дома и пристроек, еще двое погранцов сменили Васечкина на посту, и сейчас он набивал желудок на другом конце стола.

– Ну я! – хмуро сказал я, не прерывая своего занятия. Разговаривать с кем бы то ни было у меня не было никакого желания.

– Хорошо стреляешь. Ловко.

– Дядя научил.

– Он военный? – не отставал лейтеха. Его явно направил ко мне Тонин, прощупать, кто же я все-таки такой. Поэтому я ответил чистую правду.

– Да. Он начальник особого отдела корпуса. У него ординарец – бывший старшина осназа... после ранения дядя его к себе взял, так вот он и научил меня.

Говорил я почти правду. Дядя у меня, родной брат матери, занимал ту же должность, а вот со старшиной я немного приукрасил. Вместо старшины выступал родной брат отца, майор ВДВ. Причем они с батей были близнецами. Так что пострелять из оружия мне удалось немало. Как уже говорил, наша семья не бегала от армии, так что меня стали готовить к ней, когда я только начал ходить. Шучу, конечно, но все равно подготовить меня успели.

– Понятно! Ладно, пойду посмотрю, что там мои делают, судя по разговору, что-то они нашли. – Лейтенант хлопнул по столешнице, встал и, поправив гимнастерку, направился к дому, откуда действительно были слышны возгласы.

«Надеюсь, с начальником особого отдела корпуса я не переборщил. Блин, что-то у меня с головой, плывет все. Вроде не простыл, горло не болит, нос не заложен. Тогда что?» – На миг замерев, я мысленно пробежался по себе, проверяя, что не так.

Однако все было нормально, немного болели ноги, но это потому, что весь в беготне, и ныли плечи от лямок вещмешка. А так все нормально.

«Наверное, устал», – со вздохом подумал я.

В это время в кругу света появилось несколько парней, шедших от сарая, они вели или тащили на себе четверых бойцов.

– Что? – вскочив, спросил я, вставляя в вычищенный пистолет магазин и убирая его в кобуру.

– Это те, кто самогону успел хлебнуть. Разморило их, на ходу засыпают, – спокойно пояснил появившийся Иванов и, взяв из блюда одно моченое яблоко, захрустел им.

– Понятно. Когда уходим?

– Майор сказал, как рассветать начнет.

– Да? Лучше бы немедленно, но ладно. Пойду узнаю, что там мои нашли.

Обернувшись, я смотрел на яркое пламя на месте дома. Тризна. Уходя, мы подожгли все, что только могли. Я был против, но майор приказал.

Раненых, что побывали в руках поляков, Тонин «отправил» лично. Я видел, как он плачет, тяжело было ему поднять на своих руку, но сами они не смогли. Лейтенант Рошин сам просил, умолял майора убить их. Сам слышал. И майор сделал. Сильный мужик. Вот только седину на висках я раньше у него не помнил, не было ее.

Сзади тихо порывивал мотор, все стояли на опушке и смотрели на горящий хутор, где остались тела наших парней. Мы не стали их хоронить, майор решил устроить тризну, сам решил, не знаю, откуда он про нее узнал, но решение было правильное.

– Прощайте, парни... и простите нас за все! – тихо сказал стоящий в двух метрах Тонин и, вытерев лицо, развернулся и громко скомандовал:

– Слуцкий, дозор вперед. Все, уходим!

Сержант-пограничник, который теперь был начальником разведки, кивком показал своим на дорогу и первым ступил на нее.

Я шел замыкающим, рядом с телегой, на которой лежал укрытый одеялом старшина и сидела Зиминая. Так и не проснувшихся бойцов положили в кузов полуторки, места им там хватило. Вихров довольно шурился, шагая рядом с машиной, сжимая в руках пулемет Дегтярева, найденный в доме вместе с семью винтовками, пистолетами летчиков и других командиров, а также пачкой документов военнослужащих Красной Армии.

Тогда, увидев удостоверения, лейтенант Строгов сказал, что, похоже, хуторяне этим и до войны занимались.

Еще раз оглянувшись и на миг замерев, я продолжил движение вслед за остальными.

Вещмешок оттягивал плечи, так как я умудрился сунуть в него каравай хлеба и большой шмат копченого сала. Поэтому, немного подумав, снял его и положил в телегу у ног старшины, рядом с небольшим казаном и мешками с крупой.

Сумерки в лесу начали рассеиваться, вставало солнце, показывая, что наступил третий день войны.

Пройти мы успели километра три или чуть более, когда наша небольшая колонна остановилась и впереди возникло какое-то оживление.

– Что там? – тревожно спросил старшина.

– Не вижу. Но вроде людей стало больше, – сказал я, вытянув шею и разглядывая, что там впереди. Не помогло даже вставание на цыпочки – все равно не видно. Закрывал широкий корпус полуторки со стоящими в кузове двумя большими сейфами.

– Пойду гляну. Узнаю, что там, – сказал я Середе и посапывающей носиком Зиминой.

– Ага. Давай, – кивнул он и, немного повозившись, с болезненной гримасой устроился поудобнее.

– Что там? – спрашивал я у бойцов, но получал тот же ответ: «Не знаю».

Выйдя из-за полуторки, тихо работающей на холостых оборотах, и вдохнув запах выхлопных газов, с интересом посмотрел на незнакомого пехотного капитана, который что-то говорил Тонину, при этом активно жестикулируя.

– Это еще кто? – спросил я у Иванова, который стоял неподалеку.

– Тоже окруженцы, как и мы. Из полка прикрытия границы. Они должны были усиливать пограничников. Капитан говорит, что до заставы под непрерывным обстрелом с воздуха и артиллерией смогли пройти всего около батальона. Говорил, границу целые сутки держали, только вчера утром их сбили с позиций, теперь прорываются к своим.

– Как они здесь оказались? Где мы, а где граница? – Вопрос действительно был не праздный. До границы было почти восемьдесят километров, и как они тут оказались, просто удивляло.

– Да вроде у них машины были, я точно не слышал, мы случайно на их лагерь наткнулись. Вот там и слышали.

– Сколько их?

– Больше ста человек. Много раненых.

– А о чем это он так говорит? Больно активно руками машет.

– Сам не знаю. Капитан попросил с майором поговорить наедине. Но похоже, что-то важное.

– Понятно. Ладно, я к своим.

Развернувшись, я встретился взглядом с лейтенантом Стоговым, который, положив локоть на капот машины, с интересом наблюдал за беседующими.

Насчет милиционеров я уже спросил у пограничников. Оказалось, они были из Гродненского райотдела милиции. Начали вывозить сейфы с какими-то материалами, но попали в окружение, прятались в лесу, где и повстречались с погранцами, дальше двинулись уже вместе, пока не наткнулись на нас.

– Ну что там, – нетерпеливо спросил старшина после моего возвращения к телеге.

– Еще одну группу наших встретили, – пояснил я.

– Много?

– Да вроде больше ста человек.

– Ого, целая рота!

– Ну да! Рота. Это все, что от целого полка осталось, не считая погранзаставы.

– Прикрытие?

– Иванов так объяснил, – пожал я плечами и, отстегнув термос, напоил старшину и попил сам.

Разбудив Зимину, напоил и ее тоже.

– Пойду посмотрю, что там с уснувшими, должны уже проснуться, – сказала девушка, зевнув, аккуратно прикрыв ротик ладошкой, подхватила свою сумку и неторопливо направилась к машине.

Стоять нам долго не пришлось. Через десять минут мы продолжили движение.

Иванов был прав – их было больше сотни и очень много раненых.

– Как они сюда от границы дошли? – удивленно покачал я головой.

Теперь была понятна жестикуляция капитана: он не хотел бросать своих людей, но и очень торопился к фронту. Объяснение было простым. Вчера вечером на их дозор, который наблюдал за дорогой, выскочил бронетранспортер с солдатами и следовавшим за ним легковым автомобилем с генералом.

На дороге больше никого не было, и бойцы воспользовались такой удачей. В кузов гробообразного «Ганомаса» полетела связка последних гранат, а кабриолет расстреляли из пулемета, стараясь не задеть ценную добычу. Однако генерал, подхватив лежавший на сиденье автомат адъютанта, открыл ответный огонь, убив одного и ранив двоих. Ответ был закономерен. Кроме документов погибшего генерала, толстого портфеля с картами и оружия ничего они не взяли. Вот как раз в содержимом портфеля, которое успел изучить командир одной из рот, знавший немецкий как свой родной, оказались карты с расписанным наступлением немцев на три дня вперед. Это и была их проблема. Потому-то капитан и метался. Бросить раненых он не мог, но и документы должны были оказаться в штабе округа как можно быстрее.

– Нужно уходить, и как можно быстрее. Где вы захватили документы? – спросил майор у капитана.

– Почти в двадцати километрах отсюда.

Капитан Климов был начальником штаба восемна-дцатого стрелкового полка и после боев стал старшим по званию, приняв командование на себя. Сейчас он стоял рядом с комиссаром полка, забинтованным по самые глаза, около которого уже крутилась Зимина, слушая

санинструктора, делавшего перевязку. Прихватив обоих выживших медработников полка, она обходила раненых и осматривала их.

Телегу, за которую я отвечал, загнали на небольшую поляну и стали снимать с нее припасы. Командовал бойцами седоусый ротный старшина. Обрадовавшись такой удаче – мы все равно вливались в этот отряд, – я быстро сдал ему свое имущество, освободившись от своих недолгих обязанностей. Припасы были приняты на ура – с продуктами в полку было не ахти. Убедившись, что все принято по описи, и получив соответствующую бумагу, убрал ее в карман и направился на поиски командиров.

Сам лагерь походил на цыганский табор – все куда-то бегали, спешили, слышны были крики, стоны, даже смех.

Майора я нашел у полуторки, из которой уже вылезли наши «сонные» бойцы, и сейчас, усиленно зевая, они удивленно оглядывались вокруг, не понимая, где находятся. Заметив единственное знакомое лицо, то есть меня, сразу же накинулись с расспросами. Насмешливо осмотрев всех четырех вояк, я быстро и довольно сжато объяснил все, что случилось после их «усыпления». Объяснив, где устроились наши, обошел машину и подошел к командирам, собравшимся решать, что делать. Всего их было, это считая летчиков, аж одиннадцать человек. Начиная с младших лейтенантов, заканчивая майором Тониным.

– Товарищ майор, разрешите обратиться, – вытянулся я перед майором.

После кивка доложил о сдаче своего хабара местным старшинам, за что получил втык от майора, поскольку сделал это без разрешения. Отдав бумагу с актом приемки, получил приказ идти в группу лейтенанта Курмышева, которого Тонин назначил командиром пулеметного взвода, состоящего из трех трофейных пулеметов с довольно ограниченным боезапасом.

Еще раз козырнув, я развернулся и направился во взвод, где нашел Сашку Кириллова, который уже изучал незнакомую технику.

– О, в нашем полку прибыло! – весело оскалился он, увидев меня.

– Да, Тонин направил к вам! – согласно кивнул я и, бросив вещмешок, устроился рядом. – Ну давай, показывай что тут и как.

Тут я немного слукавил, так как прекрасно знал конструкцию пулемета. Как-то два года назад мы нашли тайник с оружием. То ли партизан, то ли, что было вероятнее, бандеровцев. Так что все, кто там был, успели пострелять из МГ, который вместе с другим оружием сохранился просто в превосходном состоянии. Да и патроны в цинковых коробках нареканий не вызывали, хотя и было несколько осечек. Оружие мы сдали, что уж там говорить, но без патронов – кончились они. Даже лейтеха, которого к нам приставили из милиции, тоже изрядно отметился в стрельбе, да еще и руку обжег, когда сгоряча схватился за ствол.

Для вида немного повозившись, я быстро разобрал пулемет и собрал.

– Ого!.. Ты что, уже держал такой в руках?

– Да нет, откуда? Просто оружие очень люблю, – ответил я.

Наше занятие прервал подошедший Курмышев, который привел остальных летчиков – из экипажа Тонина и еще четырех, прибившихся к группе капитана Климова. Причем один из них, судя по робе, был из механиков.

Быстро перезнакомившись с пополнением, я узнал, что новенькие – экипаж СБ, а механик – единственный уцелевший из истребительного полка, вооруженного И-16.

Курмышев достаточно быстро разбил расчеты и назначил первые номера. Я же стал подносчиком боеприпасов у третьего расчета, в который вторым номером входил Кириллов.

– Собираемся, уходим! – закричали командиры, вырывая меня из дремоты.

Вскочив, я надел вещмешок и накинул на плечи две ленты для пулемета. Все, готов к передвижению. На три телеги и полуторку погрузили раненых, остальных понесли на носилках, и мы медленно двинулись в сторону фронта.

– Сань, а что там слышно о другой группе, которая понесет документы?

– Решили, что до вечера двигаемся вместе, а потом капитан Климов с несколькими бойцами ночью пойдет дальше.

– Да? Понятно.

Какими бы ни были планы, но они столкнулись с жестокой реальностью.

Нас обнаружили. Не знаю, то ли с самолета-разведчика, который уже полтора часа барражировал над небольшим леском, где мы прятались, то ли из-за того патруля, что вырезал наш дозор, но нас нашли.

Этот маленький лес, в который отряд вошел, чтобы спрятаться от появившегося самолета, стал ловушкой. Я не знаю, сколько немецких солдат нас окружило и участвовало в нашем уничтожении, но перед окопчиком нашего расчета уже валялись два десятка трупов в серой форме.

– Приготовиться к прорыву! – пробежал по рядам уцелевших приказ командиров.

– Какой еще прорыв? У нас же раненые!!! – заорал я Курмышеву, лежащему неподалеку.

Однако все уже было решено. От лагеря ползком и короткими перебежками приближались раненые, оставленные там перед боем. Они должны были прикрыть наш прорыв. Я впервые столкнулся с таким самопожертвованием. Почти сорок раненых ложились в пулеметные и стрелковые окопчики и устраивались в них. К нашему подползло трое во главе с тем самым перебинтованным комиссаром. Прорываться решили как раз там, где была наша позиция – до соседнего леса тут было «всего» метров четыреста чистого поля. И их надо было как-то пробежать. Позади был отчетливо виден костер, где метались милиционеры, таская что-то к нему от машины.

– Уходите, мы задержим их, – сказал один из раненых. Комиссар говорить не мог, у него было повреждена челюсть.

– Прощайте, братки, – всхлипнул Курмышев.

– Вперед!!!

И почти пятьдесят человек рванули вперед. В атаку. В прорыв.

Я бежал следом за Курмышевым, который на ходу стрелял в кого-то из подобранной винтовки. Я был испуган, я был в реальном ужасе. Атака – это точно не для меня. Видеть, как падают твои товарищи и уже не поднимаются, это реально страшно.

– Танки-и-и-и!!! – заорал кто-то слева.

Обернувшись, на бегу посмотрел в ту сторону, там виднелись выезжающие на поле две квадратные коробки. Вдруг я об кого-то споткнулся. Впереди уже шла рукопашная, а я лежал на земле и смотрел, как Курмышев еще с двумя бойцами вломились в нее с разбегу.

Споткнулся я об немца. Подхватив его карабин, вскочил и несколькими гигантскими прыжками добежал до сечи. Наведя ствол на немца, навалившегося на одного из наших, нажал на спуск. Сухо щелкнул выстрел, и фашист обмяк, как и боец под ним. Я не подумал, что пуля была способна пробить насквозь и убить обоих. Переживать было поздно, для этого будет время, если выживу. Справа трое немцев сцепились с Климовым. Передернув затвор, я выстрелил в одного из гитлеровцев, на втором боек сухо щелкнул. В карабине оказалось всего два патрона. Перехватив винтовку, как дубинку, я плашмя обрушил приклад на спину одного из немцев, потом на второго, и приклад сломался в районе рукоятки.

– Вперед, вперед!!! Не останавливаться! – заорал мелькнувший справа Тонин.

Я помог встать капитану, которого сразу подхватила пара бойцов, и последовал за ними, судорожно доставая из кобуры пистолет. Когда я уже вбежал в такой близкий лес, остановился и выстрелил в преследовавшего нас немецкого солдата, после чего побежал догонять своих. Мелькнувшую рядом палку я сперва не принял в расчет, но посмотрев на то, что упало рядом, заорал в испуге. Это была немецкая граната. Последним, что помню, был мой гигантский прыжок в кусты.

Разбудил меня смех, простой человеческий смех.

«Я в раю!» – это была первая мысль, пришедшая мне в голову, потом, открыв глаза, понял, что все еще на земле. Осторожно, стараясь не шевелиться – совсем рядом слышался чей-то смех, – осмотрелся.

Первое, что увидел – это свою задранную ногу. Она зацепилась голенищем сапога за обломанную ветку и торчала под таким углом, что я даже почувствовал боль в паху.

Я лежал в густом кустарнике, прекрасно скрывающем меня от чужих взглядов, конечно, не считая той самой злосчастной ноги. Судя по всему, взрывом меня перевернуло на спину, поэтому и оказался в таком положении. Лежать было неудобно. Вещмешок бугром впечатался в лопатки, но я терпел, только слегка морщился: спина ужасно чесалась.

Еще болела голова. Осторожно ощупал голову и обнаружил большую шишку на макушке. Посмотрев вверх, обнаружил над собой дерево, о довольно толстый ствол которого, похоже, и затормозил. Повезло. Разбить об него голову – как нечего делать.

Скосив глаза сначала вправо, потом влево, нашел и свой пистолет. Он, тускло блестя воронением, лежал почти рядом, метрах в двух от меня. Видимо, когда я падал, ТТ отлетел туда. Вот только достать его не получалось – не дотянуться. Так и посматривал в ту сторону, как в поговорке: «Видит око, да зуб неймет».

Оставалось ждать, когда о чем-то лопочущие немцы куда-нибудь уберутся.

От нечего делать я через слабые просветы между ветками попытался рассмотреть, что происходит по ту сторону моего укрытия.

Видно было плохо, но все же удалось разобрать, что там стоят два немца. Выше груди я просто не видел, но один из них держал в руках карабин и на моих глазах надевал на него штык-нож.

– ...е надо, пожалуйста, не надо!!! – услышал я чей-то умоляющий голос где-то рядом. Проморгавшись, чтобы сфокусировать зрение, а то оно у меня стало расплываться, обнаружил тело, лежащее под ногами у немцев.

Это был тот самый авиамеханик, я его узнал по черной робе. Вот шевельнулась рука, чтобы отвести удар, но не смогла. Штык-нож с легким хрустом вошел в грудь механика.

Закрыв глаза, я крепко сжал челюсти, чтобы не за-орать от ненависти. Фашисты, перекидываясь веселыми словечками, стали удаляться куда-то в глубину леса, откуда слышалась редкая стрельба.

«Уроды, мать вашу!» – подумал я, сплевывая кровавую слюну.

Как это ни странно, но немцев я понимал. Сам сделал бы то же самое, будь я на их месте: ну зачем мне возиться с раненым врагом? Лучше уж так. Как бы цинично это не было.

Внимательно осмотревшись и прислушавшись, убедился, что рядом никого нет, и начал осторожно, без лишнего шума снимать ногу с куста.

Сапог крепко зацепился голенищем, поэтому мне пришлось сначала вытащить ногу из него. Вдохнув запах взопревших портянок, обулся, подобрал лежащую рядом пилотку, кое-как водрузил ее на голову и наклонился за пистолетом.

Во время этих акробатических трюков у меня начало стрелять в спину, и я почувствовал, что там что-то потекло. Проведя рукой по спине, тупо уставился на красную от крови ладонь.

«Зашибись, я еще и ранен!» – подумал я.

Вытерев руку о штанину, сдул с пистолета пылинки и проверил. В магазине еще оставалось шесть патронов да один в стволе. Использовал я только один, по тому немцу, что бежал за мной, что-то крича.

Поменяв магазин, положил ТТ рядом и, сняв вещмешок, расстегнул комбинезон, стянул его по пояс, после чего снял окровавленную рубаху.

«Фу-у-ух-х-х, ничего страшного!» – подумал я с облегчением, ощупывая спину. Кроме неглубокой борозды, которую пропахал маленький осколок, ничего не было. Сам осколок я нашел в вещмешке, где он застрял в запасных портянках. Повертев его в руках, отшвырнул в сторону и озабочился перевязкой. У меня было три медпакета, которые я добыл вместе с формой, но два из них отдал Зиминной, заняв один. Вот сейчас он бы и пригодился, но использовать его, как это ни странно, бессмысленно. Я просто не видел раны.

«Нужно кого-нибудь найти, кто перевяжет меня», – решил я и стал снова одеваться. Застегнувшись, надел обратно вещмешок, который прижал к ране одежду, и, подхватив пистолет, стал по-пластунски выбираться из кустарника, замирая при любом шорохе.

«Судя по всему, без сознания я был недолго, вряд ли больше получаса. Может, даже меньше», – подумал я, расстроенно посмотрев на часы. Разбитое стекло и раздавленный циферблат ясно давали понять, что с ними покончено. Остановившись, снял их и выбросил.

Насколько бы ни разросся кустарник, все когда-нибудь заканчивается, вот закончился и он.

Остановившись, я осмотрелся. Вокруг шумел лес, но в поле зрения – никого. Такое впечатление, будто я в нем один, однако близкая редкая стрельба давала понять, что это не так. Покрутив головой по сторонам, я посмотрел на солнце. Судя по нему, сейчас часа три дня, как-то так.

Еще раз осмотревшись, я осторожно выбрался из кустарника и, стараясь не нагибаться, держа спину ровно, а то рана стреляла болью, стал перемещаться от дерева к дереву, постоянно крутя головой.

Прошел так где-то с километр – даже шея уже стала побаливать, – когда я заметил движущуюся правее группу людей.

«Не зря был так осторожен!» – похвалил я сам себя, рассматривая два десятка немцев, идущих компактной группой в ту сторону, откуда я пришел. Прошли они метрах в пятидесяти от меня. Убедившись, что их не видно, я встал и двинулся дальше, еще больше усилив бдительность.

И через полтора часа вышел на опушку, к широкой полевой дороге, на которой стоял немецкий танк. Рядом с ним возились четверо танкистов в черной униформе. За дорогой раскинулось бескрайнее поле с колосающейся на нем рожью.

«Гусеница слетела», – понял я, чем они там занимаются. Бинобль у меня сохранился, так что, достав его, я всмотрелся в них. И не зря. В тени танка лежал пятый и курил.

Захотелось пить. Я лег на бок и, достав термос, налил себе остатки воды. Термос я фактически опустошил, когда ходил по лесу, – из-за потери крови очень мучила жажда.

Попивая из стаканчика, я продолжал наблюдение за танкистами.

Вот послышался рокот двигателя, и из-за поворота дороги выехал мотоцикл-одиночка, которым управлял офицер. Остановившись, он о чем-то поговорил с тем самым типчиком, что лежал в тени и вскочил при появлении начальства. О чем был разговор, я, понятное дело, не слышал, но догадаться было не трудно. Офицер ругался, что так долго ремонтируются, командир танка оправдывался.

Когда офицер, газанув напоследок, уехал, командир танка тоже включился в работу.

Жрать хотелось неимоверно, все свои припасы я отдал на общий стол еще утром, так что смотрел на немцев, как на будущее продовольствие. Не на них конечно, а на сам танк. Наверняка там есть НЗ, а это то, что мне доктор прописал. Немного подумав, достал из кобуры ТТ и, проверив его, сунул сзади за ремень, так, чтобы можно было выхватить быстро. После чего встал и, убрав по чехлам бинобль и термос, поднял руки и направился к танку.

«До чего беспечные», – подумал я, невольно покачав головой. Меня заметили только тогда, когда до них осталось меньше сотни метров.

– Хальт! Хенде хох! – сразу же заорал один из «гансов».

Второй дернулся и схватил лежащий на моторном отсеке автомат. Тот самый, который показывают в фильмах про войну. МП. Правда, я не видел, какой – танкист наполовину закрывал его локтем, не давая понять, тридцать восьмой он или сороковой. Хотя мне любого хватит.

– Нихт шизен! – закричал я тоненьким голосом. – Айм сдаюсь. Это... как его? Их капи-тулирен. Арбайтн, – показывал я на танк, имея в виду, что могу помочь.

Из пятерых вооружены были трое, у двоих пистолеты и у одного автомат. Кстати, у командира оказался, ни много ни мало, а самый настоящий революционный маузер в деревянной кобуре.

– Ком. Ком, – подзывал к себе рукой командир танка. Я быстро подошел, стараясь не спровоцировать автоматчика. Вооруженные пистолетами немцы хоть и схватились от неожиданности за оружие, но и не вытаскивали, оставив кобуры открытыми.

Что мне не понравилось, так это то, как один из немцев, квадратный блондин, смотрел на мой термос.

«Какой же я идиот! На нем же свастика! Ну почему я не оставил все в лесу?!» – мысленно попенял я сам себе.

Автоматчик палец со спускового крючка убрал, я отчетливо видел это, но рука осталась на ложе, так что дать очередь для него – секундное дело.

– Снэмайт, – сказал командир на плохом русском, указав пальцем на мои вещи.

Я быстро скинул вещмешок, положил рядом чехол с биноклем и стал возиться с пряжкой ремня, стыдливо поглядывая на немцев, мол, «вот никак не снимается».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.